

О разных разностях

СЕРГЕЙ БАРУЗДИН

О разных разностях

рисунки Ф. Лелюкля

Государственное Издательство
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Министерства Просвещения РСФСР
Москва - 1959

0 140353 K/X

СКАЗКА О ТРАМВАЕ

Он один возил весь город
И, наверно, потому
Все извозчики в ту пору
Уступали путь ему.

* * *

На окраине столичной
Во дворце из кирпичей
Жил да был трамвай обычный,
Друг надёжный москвичей.

И зимой и жарким летом
Просыпался он с рассветом,
С петухами просыпался
В час, когда все люди спят,
Первым делом умывался
С головы до самых пят,

Чистил кресла и подножки,
Мыл стеклянные глаза
И посапывал немножко,
Проверяя тормоза.

Впереди работы много,
И трамвай спешил в дорогу
С гордо вскинутой, тугой
Электрической дугой.

Молодой, весёлый, звонкий,
В жёлто-красной одежонке,
С номерком на голове,
Он, потомок старой конки,
Колесил по всей Москве.

Колесил по всей столице.
Все довольны были им.
Был он самой важной птицей,
Был трамвай незаменим.

Жил трамвай со всеми в дружбе,
Верно людям он служил.
Он возил людей на службу
И со службы их возил.
Даже «зайцам» на подножке
Он местечко находил.

Он ходил всегда исправно
По блестящим колеям,
Он ходил по самым главным
Улицам и площадям.

С остановки к остановке,
По Неглинной, по Покровке,
По Садовой, по Тверской
Колесил он день-деньской.

Был доволен он судьбою.
Он со всей Москвою рос.
Пассажиров стало вдвое,
И тогда он за собою
Прицепной вагон повёз.

А потом пора настала —
Двух вагонов стало мало.
Что тут делать? Как тут быть?
Надо третий прицепить.

И опять по рельсам гладким
Заспешил трамвай вперёд.
И, казалось, всё в порядке,
Раз по рельсам жизнь идёт!

* * *

Но не так на деле было.
Незаметно шли года.
И с трамваем приключилась
Настоящая беда.

Как-то раз весенним утром,
Не успевший отдохнуть,
Шёл трамвай своим маршрутом,
Направляя к центру путь.

Вдруг на людном перекрёстке
Возле старых стен кремлёвских —
Светофора красный свет:
«Стоп! Дороги дальше нет!»

Что случилось? Рельсы сняты,
Сняты шпалы с мостовой,
И столбы ушли куда-то,
Провода забрав с собой.

Рот раскрыв от удивленья,
Встал трамвай и зазвонил:
— Кто посмел закрыть движение?
Кто меня остановил? —

Он железными боками
Загремел что было сил
И, ударив буферами,
Искры по ветру пустил:

— Объясните мне толково,
Где проложен мой маршрут? —
В этот миг автобус новый
Появился тут как тут.

Едким запахом бензина
Он пахнул трамваю в нос
И, осев на мягких шинах,
Речь такую произнёс:

— Вы, трамвай, — солидный житель
Для меня вы — брат и друг.
Так зачем же вы шумите,
Беспокая всех вокруг?

Если вы благоразумны,
То сумеете понять:
Я удобный, я бесшумный,
Нелегко меня догнать.

Вам за мною не угнаться —
Я быстрее вас вдвойне.
Лучше в сторону податься,
Уступив дорогу мне!

* * *

Спорить было бесполезно.
Не пошёл трамвай на спор.
Он характером железным
Отличался с давних пор.

Потому без разговоров,
Для порядка дав сигнал,
Застучал трамвай мотором
И обратно побежал.

Он решил: «Пойду к Садовой,
Через центр, по Тверской...»
Вдруг на площади Свердлова
Снова чей-то голос: — Стой! —

Вновь трамвай остановился,
Снова выключил мотор.
Вдруг троллейбус появился,
Мчавшийся во весь опор.

Он застыл перед трамваем,
Молод, свеж и обтекаем,
И сказал: — Ну что же, брат,
Поворачивай назад!

Мы с тобой чуть-чуть похожи,
Мы с тобой почти родня,
Но, скажу по чести, всё же
Отстаёшь ты от меня.

Я без рельс хожу свободно,
Я в пути не грохочу,
Я сверну куда угодно,
Если только захочу! —

Побежал трамвай к Неглинной —
Надо ж где-то путь найти.
Что за странная картина:
На Неглинной нет пути!

Там, где раньше рельсы были,
Где извозчики тряслись,
Там теперь автомобили
По асфальту понеслись.

Побежал трамвай к Волхонке,
Чтобы там продолжить рейс.
А ему кричат вдогонку:
— На Волхонке нету рельс! —

Вот так так! Пришлось трамваю
Призадуматься всерьёз.
Жил трамвай не унывая,
А теперь повесил нос:

— Был я раньше важной птицей,
А сейчас — сказать смешно! —
Хоть сквозь землю провалиться
Мне с прицепом заодно!

* * *

Вдруг негаданно-нежданно
Чей-то голос безымянный
Заявил из глубины:
— Под землёй вы не нужны!

Здесь лежит моя дорога,
Ну, а вы — жилец земной,
И для вас работы много
На земле, не под землёй.

Только, прежде чем трудиться,
Вам полезно отдохнуть.
Вам полезно обновиться,
Чтоб моложе стать чуть-чуть.

Вас троллейбус обгоняет,
Вас автобус обогнал.
И всё реже на трамвае
Едут люди на вокзал.

Посмотрите: с каждым годом
Молодеет всё вокруг.
Разве можно с прежним ходом,
С прежним видом жить, мой друг.

— Что ж, совет у вас толковый
Говорит трамвай в ответ. —
Но позвольте:
Где вы? Кто вы?
Если это не секрет.
Или вы — земля сама,
Или я сошёл с ума?

— Я отвечу на вопрос, —
Тот же голос произнёс. —

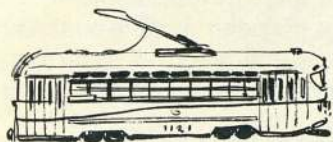
Вы здоровы несомненно,
Я — подземный ваш собрат —
Поезд метрополитена,
И, признаться откровенно,
Я знакомству с вами рад.

* * *

На окраине столичной,
Во дворце из кирпичей,
Там, где жил трамвай обычный,
Друг старинный москвичей,

Как-то раз поутру рано
Появился невзначай
Новый житель, с виду странный
Не похожий на трамвай.

Шёл автобус — удивился,
 Шёл троллейбус — сразу стих,
 И в метро подземный поезд,
 В свой обычный рейс готовясь,
 Был смущён не меньше их.

Незнакомец — краснокожий
 С ярко-жёлтой полосой,
 На автобус чуть похожий,
 На троллейбус чуть похожий,
 Кто же всё же он такой?

— Неужели вы забыли? —
 Он с обидой им сказал. —
 Вы же сами говорили,
 Что от жизни я отстал.

По Неглинной, по Тверской
 Колесил я день-деньской.
 По Покровке, по Садовой
 Я ходил десятки лет.

Я — трамвай, да только новый.
 Вот, пожалуй, весь секрет.

У меня внутри сиденья,
 Как пружинная кровать.
 И во время отправления,

«Зайцам» всем на удивленье,
 Стал я двери закрывать.

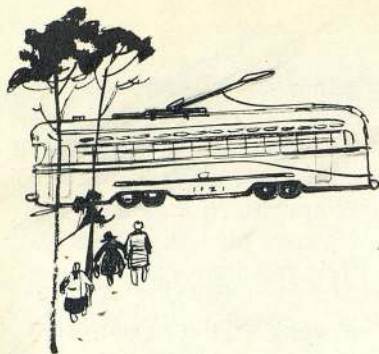
Обтекаем я снаружи
 И красив со всех сторон.
 И хожу ничуть не хуже,
 Чем троллейбусный вагон.

У меня мотор отличный,
 И скажу вам не тая,
 Что теперь вполне приличный
 Внешний вид имею я.

Правда, люди мне сказали,
 Что бесшумным буду я.
 Хоть бесшумен я едва ли,
 Всё ж колёса меньше стали
 Грохотать по колеям.

Был я стареньким трамваем
 Оказался не у дел.
 А теперь неузнаваем,
 На сто лет помолодел!

* * *

Над Москвой луна, как блюдце,
Бродят тени облаков...
Но уже успел проснуться
Наш трамвай — и в рейс готов.

Чисто вымытый и свежий,
По земле бросая тень,
Он выходит в путь, как прежде,
Начиная новый день.

Неба краешек искрится.
Шпиль высотный заалел...
Просыпается столица, —
Значит, надо торопиться:
У трамвая много дел.

В пять утра по распорядку
Он на станцию идёт.
Сделал первую посадку
И к метро повёз народ.

На завод спешит строитель,
Доктор едет в детский сад.

В класс торопится учитель,
А автобуса водитель
И троллейбуса водитель
На трамвае в парк спешат.

В летний зной и на морозе
Он идёт путём своим.
Он к метро людей подвозит
И домой с метро развозит,
Если рельсы есть под ним.

Он гремит по рельсам гулко
Вдоль окраин городских,
По безвестным переулкам,
Мимо улочек глухих,

Мимо рек и огородов,
Мимо парков и садов...
Вдаль уходит с каждым годом
Нить трамвайных проводов.

Но столица вырастает
Не по дням, а по часам.
И автобусы шагают,
И троллейбусы шагают
У трамвая по пятам.

Ну, а он по рельсам ровным
Миновал лесок и пруд
И в совхозе подмосковном
Завершает свой маршрут.

Встал трамвай, сверкая краской,
У совхозного крыльца.
Ну, а значит, в нашей сказке
Добрались мы до конца.

ПРО СВЕТЛАНУ

Адрес

Маленькая Светлана жила в большом городе. Она уже умела не только правильно говорить все слова и считать до десяти, но и знала свой домашний адрес.

— Где ты живёшь, девочка? — спрашивали её.

— Петровка, дом восемь, квартира четырнадцать, — говорила Светлана и всегда была очень довольна, что не ошиблась.

Но однажды к ней пришёл соседский мальчик Боря и спросил:

— А в каком городе мы живём?.. Вот и не знаешь!

Светлана нахмурилась и ничего не сказала. Не знала.

Вечером, когда мама вернулась с работы, Света подбежала к ней и спросила:

— А в каком городе мы живём?.. Вот и не знаешь!

Но мама знала.

— В Москве, — сказала она и подвела Светлану к окну.

Светлана посмотрела за окно, где далеко-далеко в небе, на Кремлёвской башне, горела красная звезда.

— Вот она, Москва! — сказала мама.

А в выходной день к дому, где жила Светлана, подъехала совсем новая, сверкающая голубой краской «Победа». Это папа взял машину, чтобы покатать Свету с мамой по городу.

Светлана забралась на мягкое сиденье рядом с шофёром, а папа с мамой сели сзади.

Помчалась «Победа» по широким улицам.

Видит Светлана новые большие дома и спрашивает:

— Это что? Где мы едем?

— Мы по Москве едем, — отвечает мама. — Видишь, какие большие, красивые дома строятся на московских улицах!

Летит машина мимо скверов и парков, мимо просторных площадей. А на них работают подъёмные краны, снимают с грузовиков деревья и сажают их в землю — украшают город.

Всё дальше и дальше мчится машина. Так мчится, что дух захватывает!

Едет Светлана и всё спрашивает:

— Это что? Где мы едем?

— Это всё Москва!

Пронеслась «Победа» по Красной площади.

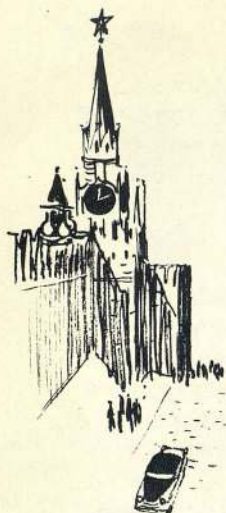
Видит Светлана: стоит Кремль, а над ним сверкают красные звёзды. И так сверкают, что, наверно, все люди на земле видят их яркий свет.

— Вот какая она, наша Москва! — сказал папа. — Большая, красивая!

А когда Света приехала домой, мама её спросила:

— Ну, доченька, где ты живёшь?

— В Москве, Петровка, дом восемь, квартира четырнадцать, — ответила Светлана.

Это было давно. С того дня Светлана хорошо знает, что Москвой называется весь большой, красивый город, в котором живут и она, и мама с папой, и все ребята из её детского сада.

С а м а я х р а б р а я

Когда Светлане не было ещё четырёх лет, произошёл такой случай.

Гуляла она как-то раз во дворе и увидела мохнатую собачонку.

Света подошла к собачонке да как схватит её за хвост:

— Собака-бабака, не боюсь тебя!

«Собака-бабака» рассердилась, залаяла на Свету и давай её трепать за пальто: вот тебе, не обижай меня, не дразни!

С этого дня Светлана очень не любила собак, а может быть, просто боялась их.

Идёт Света с папой утром в детский сад, и только они увидят собаку, как Света обязательно скажет: «Хочу на ручки!»

Однажды Светлана с папой уже подходили к детскому саду, как вдруг она увидела большую собаку. Собака шла с каким-то мальчиком прямо им навстречу.

Света даже остановилась на минутку, посмотрела на собаку, потом на папу и хотела сказать: «Хочу на ручки!»

Но папа на этот раз почему-то не остановился. Он шёл вперёд и как будто не замечал собаки.

— Ой, какая страшная! — прошептала Светлана.

Большая собака с розовым языком, мохнатой шерстью и высоко поднятыми ушами поравнялась с ней.

Света увидела её морду и даже услышала, как она часто дышит.

Света уже совсем было собралась заплакать, но ещё крепче уцепилась за папину руку, закрыла глаза и... прошла мимо.

— Вот и молодец! — сказал папа. — Ты растёшь храброй девочкой. Собака — друг человека, и её не надо бояться. Но и дразнить тоже не надо! — И папа улыбнулся Свете.

— А я не боюсь, совсем теперь не боюсь! — сказала Светлана. — Я буду самая храбрая!

Новые книжки

Светланина группа помещалась в большой, просторной и красивой комнате на первом этаже.

Здесь было очень светло, на подоконниках стояли цветы и аквариумы с рыбками, а в клетке сидел маленький галчонок, которого недавно нашли во дворе мальчишки из старшей группы.

Ребята жили дружно. Всё было у них общее: игрушки и книжки с картинками, рыбки и галчонок, и даже большой кот, которого почему-то прозвали Бобиком.

В группе — много ребят, и все они очень нравились Светлане, но больше всех она подружилась с Виталиком. Про них так и говорили: «Это друзья».

Однажды ребятам купили новые книжки — большие, разноцветные, интересные.

— Ну, давайте смотреть новые книги, — сказала воспитательница Зинаида Фёдоровна.

Все собрались в кружок и стали смотреть картинки: читать ещё никто не умел.

Вот на обложке нарисован серый кот. Посмотрели девочки на картинку.

— Совсем как наш Бобик, — сказала Лена.

— И не похож он на Бобика, — сказала Ира. — Бобик — большой, а этот вон какой малюсенький! Наверное, это его сын.

А Виталик смотрел другую книжку — про моря и пароходы. Плывёт пароход, качается на волнах. Из трубы идёт чёрный дым, а на высокой мачте вьётся красный флаг. Хорошо плыть по морю на таком пароходе!

Светлана подошла к Виталику и тоже посмотрела на картинку:

— А кто плавает на пароходе? Шофёры?

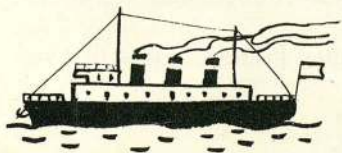
— Не шофёры, а капитаны! — ответил ей Виталик. — Это не автомобиль, а пароход. Давайте играть в пароход! Я буду капитаном.

— А можно и я буду капитаном? — спросила Светлана. — Я тоже хочу плавать по морям!

— Ты не будешь, — сказал Виталик. — В капитаны девочек не берут. Они там ещё начнут плакать и потопят пароход.

— А я буду капитаном!

— Не будешь!

Ребята заспорили, а Зинаида Фёдоровна подошла к ним и сказала:

— Раз Света хочет быть капитаном, значит обязательно будет. У нас в стране кем захочешь — тем и будешь: и шофёром, и капитаном, и машинистом. Только нужно много и хорошо работать!

Светлана обрадовалась и решила, что, когда вырастет, обязательно будет самым настоящим капитаном.

Тогда Виталик сказал:

— Двух капитанов на пароходе всё равно не бывает. Я лучше тебя в помощники к себе возьму! Будешь мне помогать!

Когда не бывает скучно

Поиграли ребята и стали собираться гулять. Только одна Светлана осталась в группе.

— Ты сегодня кашляешь, тебе нужно посидеть дома, — сказала Зинаида Фёдоровна. — Поиграй, а мы скоро вернёмся.

Светлана постояла посреди комнаты, посидела на стуле, походила из угла в угол, и так скучно ей стало! На улицу хочется.

— Вовсе я не кашляю! Почему меня гулять не взяли?

Пришла няня, Нина Марковна, стала прибирать в комнате.

Нужно стулья по порядку расставить, пол подмести, стёкла протереть.

Много дел у Нины Марковны! Никак одной быстро не управиться.

— Я помогу! — говорит Светлана. — Давайте вместе убирать.

И они стали работать вместе. Светлана расставляет стулья, а Нина Марковна подметает пол. Света пеленает кукол, а Нина Марковна протирает стёкла. Света складывает книги, а Нина Марковна оправляет постели в спальне.

— Скорее, — говорит Светлана, — а то не успеем!

— Скорей! — говорит Нина Марковна. — Нужно всё до прихода ребят убрать.

Тикают часы на стене, бегут стрелки: пять, десять, пятнадцать минут... Время летит быстро, а работа идёт ещё быстрее.

Только Нина Марковна со Светланой кончили уборку, как на улице пошёл дождь и все ребята прибежали домой.

Вошли к себе в группу, посмотрели: пол подметён, куклы положены в кровати, стёкла протёрты и стулья расставлены по порядку. Чисто в комнате, уютно, хорошо!

— Ну как, тебе не скучно было? — спрашивает Свету Зинаида Фёдоровна.

— Нет! — отвечает Светлана. — Мы с Ниной Марковной работали!

За обедом

Как-то утром во время завтрака в детском саду была разбита тарелка.

Никто не видел, как она упала со стола на пол и разбилась на мелкие кусочки.

Зинаида Фёдоровна спросила ребят:

— Кто из вас разбил тарелку?

— Не я! — сказал Виталик.

— Не я! — сказала Лена.

— Не я! Не я! Не я! — сказали другие ребята.

Только Светлана посмотрела на Зинаиду Фёдоровну и тише всех сказала:

— Наверно, она сама как-нибудь разбилась...

— Ну ладно, — говорит Зинаида Фёдоровна, — идите пока играть.

Стали ребята играть и совсем забыли о случившемся. Не заметили, как пролетело время и наступил час обеда.

Все помыли руки и сели за столы.

Нина Марковна принесла большой поднос, а на нём рядами стоят тарелки с супом.

Ребята начали обедать.

— А мне? — спрашивает Виталик. — У меня тарелки!

Все посмотрели на Виталика: и правда, нет у него тарелки.

— Тебе, Виталик, придётся подождать, — говорит Зинаида Фёдоровна. — Ведь у нас утром одна тарелка сама разбилась. Правда, ребята?

— Правда! — закричали ребята.

— Вот и неправда, — вдруг тихо сказала Светлана. — Тарелки сами не бьются. Это... это... я... её нечаянно разбила. Я больше не буду! — И она пододвинула свою тарелку Виталику. — Ешь!

Тут все ребята повернулись к Светлане, а она покраснела и ни на кого не смотрит.

«Сейчас Зинаида Фёдоровна накажет Свету», — решили ребята.

Но Зинаида Фёдоровна подошла к Светлане и сказала:

— Вот и хорошо, что тарелки у нас сами не бьются, а ребята говорят правду.

Прогулка

Обычно ребята гуляли во дворе, около детского сада. А сегодня Зинаида Фёдоровна решила погулять с ними по улицам, показать Москву. Все оделись, построились парами и пошли сначала по переулку, потом по широкой улице, прямо к скверу.

День стоял весенний, хороший. Солнце так горячо припекало, что ребята даже пальто расстегнули — жарко. Деревья нагрелись под тёплыми лучами, раскрыли первые почки. А по мостовой прыгали воробьи, чирикали наперебой, купались в лужах.

Машины мимо несутся — воробьи не боятся.

Трамваи и троллейбусы едут — воробьи не боятся.

Люди по тротуарам идут — воробьи не боятся.

Такие уж они отчаянные, наши московские воровы!

Много интересного видят ребята кругом. И главное, куда ни посмотрят — везде идёт работа, везде люди заняты делом: расширяют улицы, строят новые тротуары, ставят красивые ограды вокруг скверов.

На углу улицы, там, где раньше стояли маленькие, старые домики, строится новый дом-великан.

Ребята сначала смотрели на него издали, а потом Зинаида Фёдоровна подвела их поближе к стройке. Стали они около забора и смотрят. Поднимают головы вверх, а крыши не видно: так она высоко в небе.

Ходят по рельсам большие подъёмные краны, подают наверх стальные балки, а там рабочие их укрепляют. Растёт дом не по дням, а по часам.

Одна за другой едут на стройку грузовые машины: везут рельсы и камни, песок и кирпич, железо и доски.

— Вот какие дома строят теперь в Москве! — говорит Зинаида Фёдоровна. — Раньше один большой дом строился десять лет, а теперь за один год строят десятки новых домов-великанов.

Ребята стоят около забора — никак не могут насмотреться. Еле-еле уговорила их Зинаида Фёдоровна пойти домой.

А когда пришли к себе в группу, тоже решили заняться делом.

— Я буду самый большой дом строить! — говорит Светлана. — Такой, как там, на улице.

— И я! И я! И я! — закричали все ребята.

Собрали они кубики, коробки, ящики, машины; закипела работа.

Каждые пять минут отстраивается новый дом!

Скоро целый город вырос на полу — с большими домами, широкими улицами и скверами.

Хороший город построили!

Секрет

днажды Зинаида Фёдоровна сказала ребятам:

— Скоро у одной нашей девочки будет день рождения. Давайте приготовим ей подарки. Каждый сделает то, что хочет.

— А у кого будет день рождения? — спросила Света.

— А это пока секрет, — ответила Зинаида Фёдоровна. — Сначала мы сделаем подарки, а потом я вам скажу, кому их подарить.

Все стали думать, какие приготовить подарки.

— Я хочу слепить птицу, — сказал Виталик.

— Я нарисую хорошую картинку, — сказала Лена.

— А я, — сказала Света, — вышию платочек. — Она была очень довольна, что придумала такой подарок.

Принялись ребята за дело: одни стали рисовать, другие лепить из глины игрушки.

А Светлане Зинаида Фёдоровна дала кусок белой материи, цветные нитки и иголку.

В комнате стало тихо. Все ребята работали молча. Только изредка раздавались голоса.

— Зинаида Фёдоровна, смотрите, какой у меня рисунок красивый получается, — сказала Лена.

— А я птицу делаю, — сказал Виталик. — Настоящего скворца.

— Кому же мы подарки готовим? — спросила Светлана, вышивая платочек.

— Секрет! Потом узнаем! — сказал Виталик.

Когда все закончили работу, Зинаида Фёдоровна собрала подарки и положила их в шкаф.

Через несколько дней, как всегда, ребята собра-

лись в группе. Вместе со всеми пришла и Светлана. На ней было новое платье, новые коричневые туфли, и вся она была какая-то особенная, праздничная.

Ребята посмотрели на Светлану и сразу вспомнили про подарки. Вот у кого день рождения!

— Нашей Свете исполнилось пять лет, — сказала Зинаида Фёдоровна. — Её день рождения мы будем праздновать все вместе, ведь это и наш праздник. А теперь давайте поздравим Светлану.

Все ребята закричали: «Поздравляем!» — и стали дарить подарки. Виталик подарил скворца, Вова — столик, Лена — рисунок, Ира — фартук для куклы.

Света принимала подарки и всем говорила:

— Спасибо, спасибо, спасибо!

Тут Зинаида Фёдоровна достала из шкафа платочек и тоже отдала Светлане:

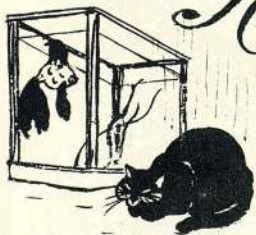
— А этот подарок ты сама себе приготовила!

Света взяла свой платочек и тоже сказала:

— Спасибо!

Ребята засмеялись, и Светлана вместе с ними.

Спать пора

После обеда в детском саду наступает тишина.

Тихо в комнатах, тихо в коридорах, тихо на лестнице.

Даже кот Бобик тихо лежит на подоконнике, греет на солнце спину.

Это значит, что в детском саду наступил тихий час. Спать пора!

Все ребята спят, одна Светлана возится в своей кровати. Беда с ней — никогда вовремя не засыпает.

— Света, спать пора! — говорит ей Зинаида Фёдоровна.

— Я буду, — отвечает Света, но, только Зинаида Фёдоровна отходит от её постели, начинает опять ворочаться!

Потом и это ей надоело. Стала Света говорить:

— А у нас музыкальные занятия будут! Я как стану под музыку ходить, как все песни выучу! Лучше всех!

Все ребята спят, никто не слушает Свету, а она говорит, говорит... Опять Зинаида Фёдоровна подошла к ней, но Светлана так разошлась, так разгулялась, что никак уснуть не может.

Незаметно прошёл час, ребята проснулись, оделись, побежали умыться, а Светлана спит. Уснула наконец! Стали её будить:

— Света, вставай! Пора идти на занятия!

— Я спать хочу! — говорит Света.

Никак подниматься не хочет.

А когда проснулась, протёрла глаза, посмотрела по сторонам, видит — нет в комнате ребят. Одна няня Нина Марковна на стуле сидит, смотрит на неё.

— А где ребята? Куда они спрятались?

— Ребята музыкой занимаются. Одна ты спишь, — говорит Нина Марковна.

Светлана вскочила — и скорей одеваться. Пока оделась, пока умылась — кончились музыкальные занятия, все ребята в группу возвратились.

Так и не походила Света под музыку, ни одной новой песни не выучила.

Пришла вечером домой и говорит маме:

— Спать пора! А то ещё проспим утром и в детский сад опоздаем.

Легла в кровать, закрыла глаза и так тихо лежала, что не заметила, как уснула.

Весной во дворе детского сада посадили молодые деревца. Они были тонкие, с маленькими зелёными листиками, а ростом не больше, чем ребята из младшей группы.

— Теперь, — сказала Зинаида Фёдоровна ребятам, — каждому из вас я дам по одному деревцу. Вы будете ухаживать за ними, поливать, смотреть, чтобы они не запылились, не засохли. А потом мы посмотрим, кто скорее подрастёт, — вы или деревца.

Ребята взяли лейки и пошли во двор.

Светлане досталось самое маленькое деревце. Она полила его, смыла с листьев пыль, подровняла землю.

Всё было очень хорошо. Только руки у Светланы стали грязными, и даже на лице виднелись грязные полосы.

Возвратились ребята в группу, умылись и начали играть. Одна Светлана не пошла в умывальную комнату, а взяла цветные карандаши, бумагу и стала рисовать.

— Светлана, скажи мне, зачем ты своё деревце поливала? — спросила её Зинаида Фёдоровна.

— Чтобы оно чистое было, — ответила Света, — чтобы не засохло и скорее росло. Только я всё равно скорее вырасту!

— Для того чтобы скорее вырасти, — говорит ей Зинаида Фёдоровна, — тебе, как и деревцу, нужно почаще умываться. А посмотри, какая ты грязная! Так ты никогда не вырастешь!

Побежала Светлана в умывальную комнату, вымыла лицо и руки, отряхнула платье.

Подошла к Зинаиде Фёдоровне и спрашивает:

— А можно мне ещё на своё деревце посмотреть?

Зинаида Фёдоровна разрешила, и они вместе вышли во двор.

Светлана подошла к деревцу, посмотрела на него — чистое. Посмотрела на свои руки — тоже чистые. Деревце вымыто, и Света вымыта.

— Теперь я буду часто-часто умываться! — говорит она. — Мы ещё посмотрим, кто скорее подрастёт!

Берегите свои косы!

Совсем ещё недавно у Светланы были две короткие, худенькие косички, а теперь выросли настоящие большие косы. И, наверно, Светлана была бы очень довольна своими косами, если бы не мальчишки. И не столько все мальчишки, сколько один, самый главный забияка — Алёша Киселёв.

Алёша появился в детском саду всего месяц назад. Никто не знал, почему он так любит дёргать чужие косы: то ли потому, что у него нет своих, то ли потому, что ему очень нравится, как визжат девчонки.

А девчонки визжали. И не только визжали, а иногда и плакали. Зинаида Фёдоровна не раз наказывала Алёшу — не разрешала играть с другими ребятами, но проходил день-два — и он опять дёргал кого-либо за косу. Не раз доставалось от него и Светлане.

— Как тебе не стыдно! Зачем ты обижаешь девочек? — спрашивала Зинаида Фёдоровна Алёшу.

— А я забыл, что нельзя, — отвечал он. — Я больше не буду.

Но на самом деле Алёша только обещал, что не будет, и всё повторялось сначала.

Даже на прогулке, когда ребята строились парами, никто из девочек не хотел становиться впереди Алёши. Попробуй встань! Он обяза-

тельно дёрнет тебя за косу!

«И отчего мальчишкам не разрешают отпускать косы? — думала Светлана. — Были бы у самого Алёши косы, он бы нас не трогал!»

Конечно, можно было бы повесить в детском саду объявление: «Берегите свои косы!» Только это всё равно бы не помогло. Ведь Алёша ещё не умел читать.

А с некоторых пор девочкам совсем не стало житья от Алёши. И всё потому, что он стал хитрее. Теперь Алёша уже никого не трогал при Зинаиде Фёдоровне. Но стоило ей выйти на минутку из комнаты — берегитесь, девочки! А уж совсем было плохо тому, кто встречался с Алёшей на лестнице или в раздевалке. И жаловаться на него было нельзя. Всех, кто хотел рассказать о проделках Алёши, он называл «ябедами». И девочки молчали. Разве кому-нибудь хотелось быть «ябедой»?

Но вот как-то Светлана не выдержала и пожаловалась, только не Зинаиде Фёдоровне, а папе.

— Пап! А сегодня меня Алёша опять за косы таскал, — сказала она, вернувшись домой.

— А ты что? — поинтересовался папа.

— А я ничего... я закричала.

— Он тебя таскал за косы, а ты стояла и кричала?

— Ага...

— Ну, тогда мне всё понятно!

И, хотя папа ничего больше не сказал, Светлана тоже кое-что поняла.

На следующий день она, как всегда, пришла в детский сад. В раздевалке, а потом во время зарядки Света почему-то всё время находилась около Алёши. Она так близко подходила к нему, что, когда все делали второе упражнение, Алёша даже задевал руками её спину. Казалось, что Светлана специально хочет показать ему, какие у неё косы — длинные, толстые, с широкими коричневыми бантами.

Когда ребята вернулись в группу и Зинаида Фёдоровна пошла на кухню, чтобы узнать, готов ли завтрак, Алёша не долго думая подошёл к Светлане и что было силы дёрнул её за косу. И тут случилось неожиданное. Вместо того чтобы завизжать, Света схватила Алёшу за его ровную, гладко расчёсанную чёлку.

— Ой, больно, отпусти! — завизжал Алёша.

Ребята даже рты раскрыли от удивления: первый раз они увидели, что самый грозный и хитрый забияка визжит, как девчонка.

Через несколько минут вернулась Зинаида Фёдоровна.

В группе всё было тихо и спокойно. Ребята молча сидели за столиками и ждали завтрака. Только Алёша стоял у окна и усиленно растирал своё и без того красное лицо.

— Что случилось? — Зинаида Фёдоровна подошла к Алёше.

— А чего... чего она пристаёт? — пожаловался Алёша, показывая рукой в сторону Светланы. — Она... она за волосы меня таскает... очень больно.

Но Зинаида Фёдоровна словно не расслышала его слов.

— Пойди умой лицо и садись за стол. Сейчас будем завтракать.

— Эх ты, ябеда! — сказала Светлана, когда Алёша вернулся из умывальной комнаты и сел на место. Потом она оглянулась и, убедившись, что Зинаида Фёдоровна занята своими делами, ещё раз с выражением повторила: — Я-бе-да!

Метро

Раз в неделю, по воскресеньям, детский сад бывает закрыт. Этот день называется выходным.

В выходной день Светлана с мамой и папой поехали кататься по новой линии метро.

Подошли они к кассе. Папа приподнял Светлану, она протянула руку в окошко и взяла три билета: себе, маме и папе.

— А почему ты себе взяла билет? — спросила её кассирша. — Ведь ты ещё маленькая.

— Я не маленькая, — ответила Света. — Я большая, мне уже пять лет!

Спустились они по лестнице-чудеснице под землю и пошли по новому переходу на станцию «Арбатская». А на ней светло, как на улице! Всюду горят какие-то необыкновенные лампочки — длинные, как трубки, и светятся белым дневным светом. Интересно!

Новая станция Светлане очень понравилась. Везде чисто, просторно, стены блестят, и на них нарисованы разные картины и золотые звёзды, как на кремлёвских

башнях. А кругом много-много людей. Всем хочется в первый день посмотреть новое метро!

Светлана так загляделась по сторонам, что не заметила, как пришёл поезд. Открылись в нём двери, и все стали входить в вагоны. Папа взял Свету за руку, и они тоже вошли. Только вошли, а двери и захлопнулись. Света посмотрела: мамы нет!

— Где мама? — закричала она. — Мама потерялась!

А мама стоит за окном вагона, смеётся и машет Свете рукой. Помощник машиниста крикнул: «Готов!», и поезд поехал.

— Ничего, — сказал папа, — мама нас догонит.

Приехали они на следующую станцию — «Смоленскую». Вышли из поезда, не успели оглянуться, как уже новый поезд едет. На нём и мама приехала.

И хотя Светлана много раз до этого ездила в метро, а тут увидела маму, обрадовалась и удивилась:

— Вот как быстро поезда в метро ходят!

Первые буквы

Зинаида Фёдоровна приготовила ребятам подарок: новую игру в буквы.

Это были не кубики и не разноцветные картинки. Новая игра не лежала в коробке, как все обычные игры. И играть в неё могли сразу все двадцать мальчиков и девочек.

Ребята построились в линейку и стали по очереди называть свои имена:

— Алёша, Боря, Виталик, Гриша...

— Теперь, — сказала Зинаида Фёдоровна, — каждый из вас будет одной буквой: Алёша — буквой «А», Боря — буквой «Б», Виталик — буквой «В», Гриша — «Г»...

— А я? — не дождав-
шись, пока очередь дойдёт до неё, спросила Света. —
Какой буквой буду я?

— Ты, Света, будешь буквой «С».

Стали ребята из букв слова составлять: Миша, Алёша, Маша, Аня — «мама». Петя, Алик, Паша, Аня — «папа».

Все ребята шумят, бегают, каждый своё место в новом слове ищет.

Интересную игру придумала Зинаида Фёдоровна!

Только Света недовольна, что пока без дела стоит:

— Я тоже хочу в слово встать!

Тогда Зинаида Фёдоровна выстроила в ряд Мишу, Олю, Свету, Костю, Виталика и Алёшу.

— А ну-ка, какое слово у вас получилось? — спрашивает.

Ребята стали называть буквы:

— М-о-с-к-в-а.

— Москва! — вдруг закричала Светлана, узнав знакомое слово.

Она стояла в линейке третьей. Стояла счастливая и довольная: вот для какого хорошего слова пригодилась её буква!

Подарок

Завно уже просила Светлана купить ей настоящую живую птицу.

— У меня всё игрушечные и игрушечные, а настоящей нет,— говорила она маме.

И вот наконец Света идёт с мамой по Кузнецкому мосту, к зоологическому магазину.

Хорошо на улице в яркий весенний день! В небе светит солнце, сушит мостовую после первого дождя. А кругом людей, людей! Почти все идут с ребятами, и Свете кажется, что все они спешат к зоологическому магазину за птицами.

— Какую же тебе птицу купить? — спрашивает мама. — Щегла, канарейку или дрозда?

— Знаешь какую? — говорит Света. — Воробья!

— Воробьёв в магазине не продают,— отвечает мама.

— Тогда... тогда купи мне птицу-синицу.

Так и решили. Пришли они в магазин, а там так интересно! На полках стоит много клеток, а в них порхают разные птицы: и жёлтые, и зелёные, и красные, и серые. Каких только нет!

— Дайте нам, пожалуйста, синичку,— просит мама продавца.

— Птицу-синицу,— говорит Света.

Выбрали они самую хорошую птицу-синицу в большой жёлтой клетке и пошли домой.

Дома приладили клетку над окном, ближе к солнцу и свету, насыпали птице корму.

— Живи-поживай!

Наутро, только Света проснулась и стала собираться в детский сад, как вспомнила про птицу-синицу:

— А что, птица одна останется? Нужно её с собой взять.

Через несколько минут птица-синица отправилась вместе со Светой и папой в путешествие — в детский сад. Пришли они в группу раньше всех, поставили клетку на окно рядом с галчонком и рыбками.

Ребята входят в комнату — удивляются.

— Откуда у нас новая птица?

Пришла Зинаида Фёдоровна, тоже удивилась:

— Кто это синичку принёс?

— Это я принесла, — сказала Света. — Чтобы птице-синице не скучно было. А вечером я её опять домой унесу.

Ребята обступили клетку, смотрят на птицу, разговаривают с ней, а она прыгает с жёрдочки на жёрдочку, щебечет! Только галчонок недоволен — забился в угол своей клетки: обиделся, чудак, что на него внимания не обращают.

Весь день не отходили ребята от клетки — понравилась им птица-синица! Вечером стали все собираться по домам. Оделись, попрощались с Зинаидой Фёдоровной и пошли с мамами, папами, бабушками на улицу. Света тоже совсем было уже собралась уходить, как вдруг на пороге её догнала Зинаида Фёдоровна:

— Светлана, ты свою птицу-синицу забыла!

— А я и не забыла вовсе, — говорит Света. — Я хочу, чтобы она у нас в детском саду жила. Для всех ребят.

Так и осталась птица-синица жить в группе. Даже с галчонком подружилась, и они стали переговариваться на своём птичьем языке.

А летом, когда детский сад поехал на дачу, ребята обеих птиц выпустили на волю. Пусть живут себе на свободе и вспоминают про детский сад!

Мамина работа

Каждое утро мама и папа уходили на работу. Каждый вечер мама и папа приходили с работы.

Они так и говорили:

— Мы идём на работу.

— Мы пришли с работы.

— А что такое работа? — спрашивала Светлана. — Я тоже хочу на работу!

— Пока ты маленькая, твоя работа — это детский сад, — говорил ей папа.

Но Светлане очень хотелось посмотреть на настоящую работу, и она всё время просила маму:

— Возьми меня с собой!

Как-то раз мама пришла за Светой в детский сад раньше, чем всегда. Она поговорила о чём-то с Зинаидой Фёдоровной, потом сказала:

— Ну, Светик, одевайся. Пойдём смотреть мою работу.

Они вышли во двор, потом на улицу, спустились в

метро и уже через несколько минут были на другом конце города.

Здесь, среди деревьев, стояло большое красное здание.

Мама провела Светлану через красивые железные ворота, и они пошли по просторному двору к дверям дома.

— Это что? — спросила Светлана.

— Это фабрика, где я работаю, — сказала мама.

— А у тебя какая работа? — спросила Светлана.

— Хорошая, интересная работа! — ответила мама. — Сейчас мы пойдём с тобой на фабрику, и я тебе всё покажу.

Когда они вошли в цех, то Светлана сначала даже растерялась. Она никогда ещё не видела таких огромных комнат со стеклянными крышами. Повсюду рядами стояли какие-то машины, и все они так шумели, что ничего не было слышно.

Мама подвела дочку к одной машине, и тут Светлана увидела, что к ней широкой лентой тянется светлая материя, а вылетает из неё разноцветная. Быстро красит машина материю!

— Вот здесь я и работаю, — услышала Светлана сквозь шум машины мамины слова. — У нас на фабрике делают материю, из которой потом ребятам шьют красивые платья. И твоё платье тоже сшито из такой же материи.

— А кто там работает? — спросила Света и показала рукой на соседнюю машину.

— И на той машине я работаю, — сказала мама. — У нас каждая работница обслуживает несколько машин.

Вдруг Света увидела на маминых машинах маленькие красные флажки.

— А это что?

— Такие красные флажки дают тем работницам, которые хорошо работают, — сказала мама. — А у нас в цехе все хорошо работают.

Тут Светлана увидела, что и на всех других машинах тоже развеваются красные флажки.

— И я хочу такой флажок и машину тоже, — сказала она.

— И тебе обязательно дадут такой флажок, когда ты вырастешь и будешь хорошо работать.

Долго они ещё ходили по цеху и смотрели на чудесные машины, а потом вышли во двор.

А здесь Светлана увидела, как вереницей ехали с фабрики грузовики, доверху нагруженные готовой материей.

Повезут её во все концы страны, чтобы сшить для ребят много новой, красивой одежды.

Светлане очень понравилась мамина работа. А ночью ей приснился сон. Стоит она в большом, светлом цехе около машины, а из машины вылетают разноцветные платья! Надевают их ребята и говорят:

— Хорошие платья!

А на Светланиной машине, на самом верху, вьётся маленький красный флажок — за хорошую работу!

КОШКА

Что ты, кошка, тут полдня
Ходишь около меня?

Уходи скорей отсюда,
Вон туда иди, за дверь.
Всё равно с тобой не буду
Разговаривать теперь.

Не дружу с тобою я,
Раз ты съела воробья!

ПРО КНИЖКИ

Для маленького Вовы
Купили книжки новые.

Он забрался на кровать,
Прислонился к спинке
И давай скорей читать
Книжки по картинкам.

Вот дома́ и огород,
Где растёт картошка.
Вот река — она течёт
Прямо по обложке.

Вот по насыпи большой
Скорый поезд мчится;
Дым клубится над трубой
Через две страницы.

Вышли тракторы в поля.
Зреет рожь густая,
А вокруг лежит земля
Без конца и края.

Можно многое узнать,
Если книжки прочитать.

СКВОРЕЦ

Жил скворец на дубе старом
У Никитского бульвара.
Накануне зимних выюг
Улетел скворец на юг.

А пока летал на юг —
Изменилось всё вокруг.

Рядом с дубом-великаном
Был заложен новый сад
С цветниками, и с фонтаном,
И с площадкой для ребят.

В нём ребята посадили
Молодые деревца,
А на дубе смастерили
Новый домик для скворца.

Прилетит скворец в апреле —
Справит в доме новоселье.

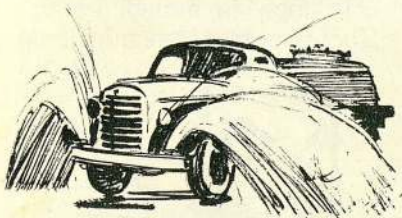

ИНТЕРЕСНАЯ МАШИНА

В час, когда на небе синем
Утром солнышко встаёт,
Интересная машина
Выезжает из ворот.

Серебристою струёй
Пыль смывает с мостовой,
Подметает, подбирает
Все соринки до одной.

Как проедет — чисто станет,
И метлы не надо брать...
Вот такую б нашей маме,
Чтобы дома подметать!

КТО СЕГОДНЯ УЧИТСЯ

Вьётся, кру́жится листва
В жёлтом хороводе.
Просыпается Москва,
Умывается Москва —
Новый день приходит.

Заглянуло солнце в дом,
В стёклах заиграло...
Здесь мы свой рассказ начинаем
С самого начала.

Тик и Так

Тикает будильник в комнате —
Стрелка Тик и стрелка Так.
Все, кто в комнате, запомните:
Вам проспать нельзя никак!

Вам проспать нельзя никак!
Тик-и-так, тик-и-так!

Длинный Тик легко и просто
Обегает циферблат.
Ну, а Так поменьше ростом,
Чем его минутный брат.

Стрелки-братья крепко дружат,
И, наверно, оттого
Верно стрелки людям служат,
Не подводят никого.

Все давным-давно проснулись
Только Галя крепко спит.
Два чулка лежат на стуле,
Платье с фартуком висит.

Из-под стула смотрят косо
Чьи-то два блестящих носа.
Это туфелек носы
Косо смотрят на часы:

«Вам сегодня, Тик и Так,
Опоздать нельзя никак!»

Тик и Так не удержались,
Страшный подняли трезвон —
Зазвенели, задрожали:
«Не пора ли нашей Гале
Досмотреть последний сон?»

Галя просыпается

Хорошо поспать сейчас,
Да не тут-то было!
Открыла Галя левый глаз,
Правый глаз открыла.

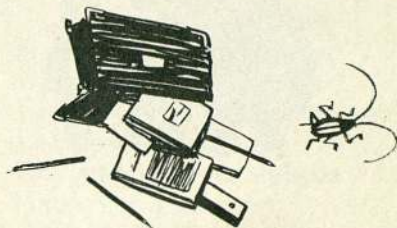
Увидала потолок,
Сладко потянулась
И, зевнув ещё разок,
В тапочки нырнула.

Галя за́ ночь подросла.
Время быстро мчится.
Спать дошкольницей легла,
А встала ученицей!

Встала — прямо не узнать!
До пояса улылась,
Убрала свою кровать
И даже косы расчесать
Сама не поленилась.

Завтракать её зовут —
Она уже одета.
Не прошло и трёх минут —
Съедена котлета.

Бабушка удивлена.
Говорит, вздыхая:
— Видно, правда, что она
Выросла большая.

О портфеле и жуке

Галин портфель
Не велик и не мал:
Лежат в нём задачник,
Букварь и пенал,
Две тонких тетрадки
В линейку и в клетку,
Азбука, тапочки,
Завтрак в салфетке,
Платок носовой,
Пластинин и альбом...

Галя портфель
Закрывает с трудом.

Но дома у Гали
Не знают пока,
Что место в портфеле
Нашлось для жука.

У Гали жука
Отобрать не успели.
Он в класс отправляется
В школьном портфеле!

Как начинается утро

Попрощалась Галя с мамой
Возле дома у ворот.
Ей — налево, маме — прямо,
Мама едет на завод.

В класс учительница входит,
Начинается урок.
В это время на заводе
Встала мама за станок.

А на улице Петровке
По умытой мостовой
Галин папа к остановке
Подает троллейбус свой.

Галя в книгу посмотрела,
Галя пробует читать...
Ей пора заняться делом,
Мы не будем ей мешать.

Две тетрадки

Есть у нашей Гали
Две тетрадки разные.
Галя любит синюю
И не любит красную.

В синей тетрадке,
В линейку косую,
Точки и палочки
Галя рисует.

А в красной тетрадке,
На первой странице,
Учится Галя
Писать единицу.

За единицей
Она по порядку
Двойки и тройки
Напишет в тетрадке.

Гале не нравится
Эта тетрадь —
Ей хочется сразу
Пятёрки писать!

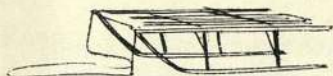
В буфете

**А что же мама
делает?**

Если б не было колёс,
Не поехал паровоз,
И автобус пассажиров
К зоопарку не повёз.

Есть колёса у вагонов,
У машин и у телег.
Только сани едут сами,
Если есть под ними снег.

Ну, а снег не за горами,
Скоро вьюги засвистят...
Поручили нашей маме
Делать санки для ребят!

Галя с папою в субботу
В магазин должны пойти.
Санки маминой работы
Надо им приобрести.

Школьники пришли в буфет
Во время перемены:
— Мне, пожалуйста, конфет!
— И мне, пожалуйста, конфет!

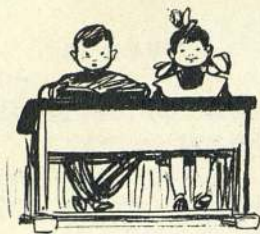
— А кому же виногрет
И молоко без пенки? —

Галя в очередь встаёт,
Галя рубль достаёт,
Покупает горсть ирисок —
Набивает ими рот.

Закрывается буфет
После перемены,
Но конфет в буфете нет,
А остался виногрет
И молоко без пенки.

Весь кондитерский запас
Перебрался в первый класс.

Мама тоже учится

Как только вечер настаёт,
Гудит гудок упрямо.
Из заводских больших ворот
Идёт с портфелем мама.

После перемены

Тридцать первоклассников
Сидят на партах чинно.
Перемена кончилась,
Но — странная картина:

Тридцать первоклассников
Как будто потолстели,
Словно целый месяц
Без перерыва ели.

Никто не улыбается —
Ни девочки, ни мальчики.
Только щёки движутся,
Круглые, как мячики.

Учительница смотрит
Строгими глазами:
— Ну и первоклассники!
Что мне делать с вами? —

Пришлось на дверь буфета
К последней перемене
Повесить о конфетах
Такое объявление:

«Есть конфеты разрешаем
По одной и только с чаем!»

Ей очень некогда сейчас,
Ведь мама — ученица:
По вечерам в десятый класс
Идёт она учиться.

Ей скоро будет тридцать лет,
Она в вечерней школе.
У них там физкультуры нет,
А пения тем более.

Они не лепят, не поют,
Им рисовать не надо,
Хотя им тоже задают
Учить уроки нá дом.

У них уроки посложней,
Чем чтение и пение.
И учиться им трудней —
Не хватает времени.

По вечерам приходит в класс
Молодой учитель:
— Что прошли мы в прошлый раз
Ну-ка, повторите! —

Отвечают у доски
Без подсказок, сами,

Взрослые ученики,
Бывшие фронтовики,
Школьники с усами.

Шли они в военный год
Из школ, не сдав экзамены,
Шли на фронт и на завод,
Как папа с мамой Галины.

И вот теперь они опять
За парты в школе сели,
Чтоб всё пройти и всё узнать,
Всё то, что не успели.

Они, как в школьные года,
Учатся серьёзно.
Ведь учиться никогда
Никому не поздно!

Четвёрка

Галя в комнату вошла
В хорошем настроении.
— Ну-ка, внучка, как дела?
Как идёт учение? —

Галя бабушке в ответ
Заявляет бойко:
— Двоек нет и троек нет,
Есть четвёрка только.

Я четвёрку получила!
— А за что?
— А я забыла.

Мы пришли сначала в класс —
Было чтение у нас.
После чтения мы сами
Рассказали про рассказ.

А потом в спортивном зале
Нам играли на рояле.
Мы все вместе песню пели
И немного танцевали.

Мы вернулись в класс опять,
Стали азбуку писать.
После этого считали,
Сколько будет семь и пять.

Не успела я ответить
И прибавить семь к пяти,
Нам сказали:
«Хватит, дети!
Вам домой пора идти!»

Я четвёрку получила,
А за что — совсем забыла!

Трудная задача

«Десять ребят играли в футбол
После занятий в школе.
Один ушёл и второй ушёл —
Сколько осталось на поле?»

Трудно Гале задачу решить,
Ответ никак не даётся.
«Если бы нужно было сложить,
А здесь вычитать придётся!»

«Один ушёл и второй ушёл...»
Сколько же вычесть Гале?
«Уж лучше б они не играли в футбол
Или все вместе играли!»

Прямо хоть плачь от таких задач!
Галя к окну подходит.
Видит — на поле футбольный мяч
Десять мальчишек водят.

Десять ребят играют в футбол...
И вдруг, совсем как в задаче,
Один ушёл и второй ушёл.
«Восемь осталось, значит!»

Довольная Галя стоит у окна:
Вот и задача её решена!

Как Галя ворон считала

Галя плачет горько,
У Гали огорчение:
Ей в журнале двойку
Поставили за чтение.

Льются слёз потоки —
Она урок не знала.
Сидела на уроке
И ворон считала.

За окном над клёном,
Над листвой зелёной,
Каркая, летали
Глупые вороны.

Каркая, летали,
Как будто и не знали,
Что делом заниматься
Помешали Гале.

Подвели — и только!
И тут же скрылись где-то
Всё равно им двойку
Не выставят за это.

Лучше вымыть щёки
И за букварь садиться.
Не сто́ит на уроке
С воронами водиться!

Мама делает уроки

За уроки мама села.
Галя стала у стола,
К ней в тетрадку посмотрела —
Ничего не поняла.

Цифры, цифры в каждой строчке,
Вся исписана тетрадь.
Но никак не может дочка
Цифры мамины понять.

Мама делит, мама множит,
Мама пишет их столбцом.
Цифры мамины похожи
На большой, высотный дом.

Вот уже готова крыша,
Стены выросли уже,
А ответ она напишет
В самом нижнем этаже.

Жаль, что между этажами
В этом доме лифта нет,
Чтоб скорей спуститься маме,
Чтоб скорей найти ответ.

Чтоб скорей найти решенье
И пойти куда-нибудь...
Ведь сегодня воскресенье —
Надо маме отдохнуть.

Собрание

Сегодня в первом классе
Общее собрание.
Сегодня в первом классе
Идёт голосование.

Выбирает старосту
Сегодня первый класс.
— Какие предложения
Имеются у вас? —

Тридцать первоклассников
Вносят предложения:
— Мишу Иванова!
— Сидорову Женю!
— Новикову Олю!
— Яковлева Вову!
— А я хочу Петрова
И Галю Соколову! —

Тридцать первоклассников
Руки поднимают,
Тридцать первоклассников
Друг друга называют.

Никого обидеть
При этом не хотят:
Выдвигают в старосты
Сразу всех ребят.

Галя читает

Очень много книг у папы,
А у Гали только пять.
Всё, что есть на полках шкафа,
Папа смог перечитать.

А у Гали книжек мало,
Да и те не прочитала,
Потому что Галя ждёт:
Может, папа ей прочтёт?

Но у папы всё дела.
Галя целый час ждала,
А потом достала книжку
И сама её прочла.

А за ней вторую, третью,
А потом ещё одну...
За окошком месяц светит,
Время близится ко сну.

Звёзды в небе над столицей,
Бьют куранты девять раз.
Все, кому с утра учиться,
Спать ложатся в этот час.

Сны по комнате летают,
Галя книгу закрывает —
Гале тоже надо спать.
«Завтра эту дочитаю —
Буду новые читать».

Что будет через год

Быстро школьный год пройдёт
Что же будет через год?

Вновь трава зазеленеет
С наступленьем тёплых дней
Станут школьники взрослее
И немножечко умней.

Сколько нового узнают,
Книги новые прочтут...
Мама кончит школу в мае
И поступит в институт.

Время отдыха промчится,
И опять по вечерам
Вместе с ней пойдут учиться
Сотни взрослых пап и мам.

Ну, а что же будет с Галей
Ведь о ней был наш рассказ.
Вы, конечно, догадались:
Галя кончит первый класс.

Кончит первый, а потом
Будет Галя во втором.

Может, через год примерно
Отчего не помечтать? —
В это время в пионеры
Будут Галю принимать!

КТО ПОСТРОИЛ ЭТОТ ДОМ

Н а улице Садовой
Дом построен новый.

В нём столько светлых окон —
Считать не сосчитать,
А крыша так высоко,
Что птицам не достать.

В доме — десять этажей,
В доме — тысячи людей.

Кто построил этот дом,
Дом, в котором мы живём?

Архитектор

Архитектор строит дом,
Дом многоэтажный,
Строит дом карандашом
На листе бумажном.

Нужно всё нарисовать,
Вычислить, проверить,
Все квартиры сосчитать,
Лестницы и двери.

Чтоб стоял он много лет,
Чтобы был в квартирах свет,
Ванны, умывальники
Для больших и маленьких.

Каменщик

На стройке жаркая пора,
Сигнал уже пробил.
Сегодня каменщик с утра
К работе приступил.

Ему идёт двадцатый год,
А он уже герой:
Быстрее всех кирпич кладёт
Строитель молодой.

Кладёт кирпич за кирпичом —
Растёт этаж за этажом,
И с каждым часом,
С каждым днём
Всё выше новый дом.

Кровельщик

Чтобы в доме было сухо и тепло,
Чтобы снег зимою в дом не занесло,

Чтоб не мокли люди в доме под дождём,
Кровельщик железом покрывает дом.

Ходит кран подъёмный — огромной высоты,
Подаёт на крышу железные листы.

Кровельщик работает на крыше дотемна.
Ему как на ладони вся Москва видна:

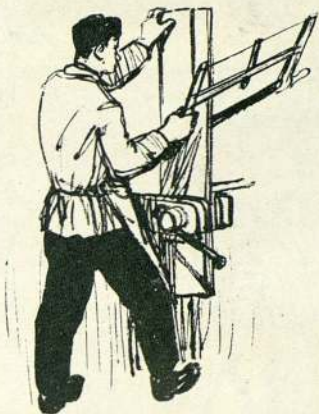
Площади и парки в предвечерней мгле,
А над ними яркие звёзды на Кремле!

Плотник

Летят опилки белые,
Летят из-под пилы:
Это плотник делает
Рамы и полы.

Топором, рубанком
Выстругивает планки,
Сделал подоконники
Без сучка-задоринки.

Хорошему работнику
И слава и почёт.
Недаром орден плотнику
Вручил народ.

Штукатур

Из училища на стройку
К нам приехал паренёк.
Он уверенно и бойко
Штукатурит потолок.

Штукатурку лепит к стенам
Маленькой лопаткою.
Чтобы были эти стены
Ровные и гладкие.

Он трудом своим гордится
И своим успехам рад.
«Дело мастера боится», —
Про парнишку говорят.

Маляр

Красить комнаты пора —
Пригласили маляра.
Но не с кистью и ведром
Наш маляр приходит в дом:
Вместо кисти он принёс
Механический насос.

Брызжет краска по стене,
Солнце светится в окне.
Стали стены голубыми,
Словно небо в вышине.

Новый дом почти готов —
Примет к празднику жильцов!

Вот кто строил этот дом,
Дом, в котором мы живём!

РАВИ И ШАШИ

Рави и Шаши — маленькие. Как все дети, они часто шалят, а иногда и плачут.

И едят они тоже как маленькие дети: рисовую кашу с молоком и сахаром им кладут прямо в рот. Иначе есть они не умеют.

Если бы Рави и Шаши понимали по-русски, они узнали бы, как звучат их имена на нашем языке: Солнце и Луна.

Но они ещё не знают свои русские имена.

— Солнце! Солнце! — кричат ребята Рави, а он даже носом не поведёт.

— Луна! Луна! — зовут ребята Шаши, но она не оборачивается.

— Наверно, мы их путаем, — говорят ребята. — Смотрите, ведь они совсем одинаковые!

И правда. Рави и Шаши очень похожи друг на друга. Но они не брат с сестрой и даже не дальние родственники.

Рави и Шаши — индийские слонята, и приехали они в нашу страну совсем недавно. Их прислал в подарок советским детям премьер-министр Индии Джавахарлал Неру.

«Когда я был в Советском Союзе, — писал Неру, — я имел удовольствие встретиться с большим числом детей, и повсюду они передавали мне послания для детей Индии. Теперь от имени детей Индии я посылаю детям Советского Союза два весьма солидных послания. Эти послания — два слонёнка. Хотя они уже большие, они на деле ещё дети, им всего по году. Они едут

к детям Советского Союза как послы детей Индии, неся с собой дружеские, добрые пожелания... Я надеюсь, что дети Советского Союза подружатся с этими маленькими послами и будут помнить о детях Индии, которых представляют эти послы».

Им, нашим маленьким друзьям — Рави и Шаши,— и посвящается этот рассказ.

Где родился Рави

Есть на юге далёкой страны Индии чудесный и богатый край, который называется Майсор.

Здесь и родился Рави.

Мать Рави — рабочая слониха. Её зовут Лалита.

Восемь лет прошло с тех пор, как Лалиту поймали в джунглях и приручили. Слониха стала помогать людям в работе.

Каждый день выходил Рави с матерью на работу. Конечно, сам работать Рави не умел. Он только смотрел, как легко и просто переносит Лалита большие брёвна и тюки с хлопком, тяжёлые камни и мешки с рисом.

Однажды утром Лалита грузила на машины связки сахарного тростника. Рави посмотрел, как мать берёт хоботом огромные связки, и тоже принялся за работу. Вынул своим хоботом из связки тростниковый стебель и понёс. Стебель был длинный и волочился одним концом по земле. Но Рави не сдавался. Он дотащил стебель до машины и здесь передал его

матери. Сам положить тростниковую палку в кузов машины Рави не смог.

Рави вернулся назад и, расхрабрившись, потянул хоботом целую связку тростника. Дёрнул раз, дёрнул два — связка ни с места. Дёрнул ещё раз, и вдруг ноги у Рави так задрожали, что он чуть не упал.

Увидела это Лалита. Она подошла к Рави, обняла его хоботом и отвела в сторону.

Рано тебе, малыш, браться за работу!

Знакомство с Шаши

У Рави покладистый характер. Когда его повели на станцию, Рави не сопротивлялся и не кричал. Он жил среди людей и никого не боялся.

Рави привезли в город Бангалор. Здесь, на железнодорожной станции, его уже ждал товарный вагон.

Пол вагона был устлан травой, а посередине стояла перегородка. По дощатому помосту Рави поднялся в вагон и встал слева от перегородки. Он сразу же занялся делом: один пучок травы взял хоботом в рот, другой бросил себе на спину, потом — опять в рот и опять на спину.

Во время этого занятия Рави слышал чей-то крик. Он выглянул из двери вагона и тут увидел Шаши. Шаши упиралась и не хотела идти в вагон.

Рави не сводил глаз с Шаши. Интересно, почему это она упирается и кричит? Рави, конечно, не знал, что Шаши всего несколько дней назад поймали в далёких Кургских джунглях и она ещё не привыкла к людям.

Но вот двое мужчин втащили Шаши в вагон и поставили справа от перегородки.

В вагоне было полутемно, но это не помешало Рави протянуть хобот в сторону своей соседки. Он дунул, даже фыркнул, но Шаши не обратила на него внимания. Она забилась в угол и опустила голову.

Наконец вагон прицепили к поезду.

Машинист дал свисток, и состав тронулся.

Шаши переступила с ноги на ногу и повернулась головой к перегородке. Так, по движению поезда, стоять было куда удобнее.

Рави потоптался на месте и тоже подошёл к перегородке. Знакомство состоялось.

Перед дальней дорогой

На вторые сутки Рави и Шаши приехали в большой город — Бомбей. Их вагон пригнали в морской порт и поставили на запасный путь. Но оказалось, что путешествие ещё не кончилось.

Слонят стали готовить в дальнюю дорогу.

Заработали в порту пилы и топоры. Это столяры и плотники сооружали для Рави и Шаши специальные клетки. Удобными, просторными должны быть клетки для слонят и обязательно прочными. Поэтому делали их не из обычных досок, а из самого крепкого в Индии «железного дерева».

Застучали в мастерской швейные машинки. Это портные шили для Рави и Шаши попоны. Удобными, красивыми должны быть попоны для слонят и обязательно тёплыми. Поэтому и шили попоны из самой тёплой шерсти.

Загудели в порту грузовики. Это шофёры подвозили к причалу рис и сахар, тростник и молоко, ананасы и фисташки, стебли бананового дерева, зелёную траву и сено. Пусть будут сыты Рави и Шаши во время путешествия, пусть едят на здоровье самую вкусную и лакомую пищу.

Погрузка

Когда все приготовления были закончены, к причалу Бомбейского порта подошёл советский теплоход «Ставрополь».

— Можно начинать погрузку, — сказал капитан Чернобровкин.

К теплоходу подъехали два тягача с прицепами. На первом прицепе стояла клетка с Рави, на втором — клетка с Шаши.

Большой подъёмный кран повернул стрелу к первому прицепу. Чтобы не испугать Рави, его клетку накрыли брезентом и закрепили тросами.

Но Рави не испугался. Как только подъёмный кран натянул тросы, Рави поджал передние, а затем задние ноги и улёгся на мягкий, устланный сеном пол клетки.

Вот клетка чуть качнулась, оторвалась от прицепа, и Рави медленно поплыл над причалом к теплоходу. Не успел он опомниться, как оказался на кормовой палубе.

Настала очередь Шаши.

Подъёмный кран подцепил крюком её клетку. Но, вместо того чтобы лечь, Шаши заметалась из угла в угол и закричала пронзительным, тонким, плачущим голосом.

И вдруг Шаши услышала трубный

рёв, раздавшийся с палубы. Это был не гудок теплохода, не звук трубы, а чьи-то очень знакомые, много раз слышанные голоса. От неожиданности Шаши замолкла, а через несколько минут и она была уже на теплоходе.

Кто трубил на пароходе?

Клетки со слонятами поставили на левой кормовой палубе.

Когда моряки сняли с их клеток брезент, Рави и Шаши посмотрели сначала налево, потом направо и тут увидели своих соседей по теплоходу. Это были Бак Зап и Вой Кай Лон. Они стояли в больших стальных клетках на противоположном борту корабля и протягивали к слонятам хоботы.

— Как видите, вы здесь не одни, — сказал слонятам капитан Чернобровкин.

Бак Зап и Вой Кай Лон — вьетнамские слоны, и если перевести их имена на русский язык, то вы узнаете, что Бак Зап — это Белые лапы, а Вой Кай Лон — Большая слониха. Совсем ещё недавно на их родине — во Вьетнаме — шла война. Народ боролся с врагами. В этой борьбе участвовали и Бак Зап и Вой Кай Лон. Днём и ночью через болота и непроходимые заросли подносили они бойцам Народной армии снаряды, оружие и продукты.

«Наши боевые друзья», — ласково называли их солдаты и офицеры Вьетнама.

«Наши боевые друзья», — называли слонов сопровождающие их вьетнамцы, которые сами недавно были бойцами Народной армии.

Конечно, Рави и Шаши не могли

знать всего этого. Не знали они и того, что теплоход «Ставрополь» вёз Бак Запа и Вой Кай Лон из Вьетнама в подарок советскому народу. Но, увидев по соседству с собой больших слонов, Рави и Шаши успокоились и повеселели. Вот, оказывается, чьи голоса слышали они во время погрузки! Беспокоились большие слоны о маленьких, потому и трубили.

Счастливого плавания!

К вечеру всё было готово: клетки с Рави и Шаши укрепили на палубе, еду для них погрузили в трюмы.

— Не сердитесь, что на двух маленьких слонят приходится так много взрослых людей, — сказал капитану доктор Сардар Хан, старший смотритель одного из индийских зоопарков.

Вместе с ним на теплоход «Ставрополь» сели ветеринарный врач доктор Рао и работники Майсорского заповедника Магомет Хасим и Пир Паша.

— Рави и Шаши доставили вам уже много хлопот. Мы сами будем ухаживать за слонятами в дороге: кормить их, следить за их здоровьем, — добавил доктор Рао. — Ведь советские дети должны получить подарок господина Неру в полной сохранности.

Теплоход «Ставрополь» покидал Бомбейский порт. Много людей собралось на причале:

— Счастливого плавания!

— Спасибо! — отвечали своим индийским друзьям советские моряки.

— Спасибо! Спасибо! Спасибо! Спасибо! — вторили им доктор Хан и доктор Рао, Хасим и Паша.

Это было первое русское слово, которое выучили индийцы на борту советского теплохода.

В этот вечер в судовом журнале «Ставрополя» была сделана очередная запись:

«Бомбей. Пятница. 5 августа 1955 г. Погрузили двух слонят, приняли на борт четырёх сопровождающих с назначением в порт Одесса».

Плавучий зоопарк

Раньше «Ставрополь» был обычным теплоходом, а теперь стал настоящим зоопарком. Не в каждом зоопарке увидишь слона, а на «Ставрополе» их было четыре — два больших и два маленьких.

Но не только Бак Зап и Вой Кай Лон, Рави и Шаши плыли на теплоходе.

Были здесь и пассажиры поменьше: Яшка, Борька, Жорка и Машка. Так прозвали моряки четырёх обезьян-макак. Их тоже подарили команде теплохода во Вьетнаме.

Обезьяны — большие проказники. Потому и хлопот с ними было немало.

Яшка — самый главный озорник. Бегает, бегают по палубе, а потом нырнёт к кому-нибудь в каюту, и тут уж берегись! Книгу увидит — изорвёт, карандаш найдёт — сломает; очки с носа стащит — не успокоится, пока не разобьёт.

В каждой каюте Яшка обязательно залезал в умывальник. Моряки уже знали его привычку: они наполняли умывальники водой, и довольный Яшка принимал ванны.

Но однажды с Яшкой случилась беда. Он так разбаловался на палубе, что поскользнулся и свалился за борт, в воду. И, наверно, это неожиданное купание в открытом океане закончилось бы для Яшки печально, если бы не удалось ему ухватиться за канат, спущенный моряками с борта теплохода.

Особенно доставалось от Яшки буфетчице Галине Владимировне. Стоило ей накрыть на стол — Яшка тут как тут: или яйцо стащит, или конфету, или бутерброд. А в один прекрасный день Яшка совсем разошёлся: высыпал на себя коробку пудры, а потом вырвал у Галины Владимировны губную помаду и разрисовал ею все стены в каюте.

Но Рави и Шаши не видели обезьяньих проделок. Яшка, Борька, Жорка и Машка одинаково боялись как больших, так и маленьких слонов и потому во время прогулки удирали на носовую палубу, подальше от слоновьих клеток. Впрочем, Яшка, Борька, Жорка и Машка боялись не только слонов. Стоило им показать Шипуна или Свиста, как они взлетали на самые верхушки мачт и не слезали оттуда до тех пор, пока не минует опасность.

Шипун и Свист — удавы. Они тоже пассажиры из Вьетнама. Удавы — страшные змеи, но никто из моряков их не боялся. Молоды и невелики были Шипун и Свист — до двух метров длиной — и для людей не опасны. Другое дело, когда они вырастут до восьми — десяти метров.

Но с тех пор как появились на теплоходе Рави и Шаши, жизнь удавов изменилась. Капитан Чернобровкин строго-настрого запретил выносить Шипуна и Свиста на палубу:

— Мальчик и Девочка могут испугаться.

Капитан называл Рави и Шаши по-своему — Мальчиком и Девочкой.

Кому что нравится

В плавучем зоопарке было много посетителей. Всё свободное от вахты время моряки проводили вместе с животными.

У каждого были свои любимцы. Боцман Савоськин возился с обезьянами, матрос Коломиец вместе с вьетнамцами-сопровождающими угощал лакомствами больших слонов, а механик Шлыков был увлечён удавами — он и подкармливал их, и в каюту к себе приносил, и под электрической лампочкой грел, чтобы не замёрзли Шипун и Свист, не простудились.

И лишь капитан Чернобровкин — то ли по долгу службы, то ли потому, что не знал, кому отдать предпочтение, — интересовался всеми необыкновенными пассажирами своего теплохода. Но особенно много посетителей было у клеток Рави и Шаши.

— Не толпитесь все сразу по левому борту, — говорил молодой электрик Соколов, — корабль опрокинете.

Соколов шутил. Он, пожалуй, сам больше всех был увлечён Рави и Шаши.

Утро, ни свет ни заря, а Соколов уже возле слонят.

— Доброе утро! — говорил он Рави и Шаши, и ему казалось, что слонята понимают его.

Рави протягивал из клетки свой ещё совсем маленький тонкий хоботок и водил им прямо по лицу присевшего на корточки Соколова. Соколов дул ему в хобот, и Рави это нравилось. Он фыркал и опускал передние ноги — становился на колени.

— Хо-ро-ший, хо-ро-ший сло-ниш-ка! — ласково говорил Соколов прямо в хобот слонёнку, и Рави за-

тихал, словно прислушиваясь к новым, непонятным для него словам.

К клетке подходили другие моряки, и все по очереди дули в хобот Рави, разговаривали с ним.

Шаши тоже как будто нравилось, когда с ней разговаривали, но дуть себе в хобот она не разрешала: дуйте, мол, пожалуйста, Рави, если ему это нравится, а я таких шуток не люблю.

И Шаши прятала хобот и недовольно крутила головой — сердилась.

Шаши не частоставляла из клетки хобот. Он у неё хотя и маленький, а всё же нет-нет, да и застревал между досок. И Шаши, видимо, побаивалась, как бы ей совсем не потерять хобот. Ведь без хобота и слон — не слон и слониха — не слониха! А вот когда Соколов чесал Шаши уши, она не сопротивлялась: её круглые глазки поблёскивали от удовольствия.

Зато Рави позволял играть с собой как угодно. Часами он бегал по своей клетке, а набегавшись вдоволь — валился на бок и моментально засыпал.

Спал он не только ночью, но и днём. А проснувшись, поднимал хоботок вверх и, широко зевая, с любопытством посматривал на правый борт, где стояли клетки Бак Запа и Вой Кай Лон. Может, спросонья Рави принимал их за своих родителей, а может, мечтал скорее вырасти и стать таким же большим слоном, как они.

Завтрак и обед

Четыре раза в сутки накрывались в кубрике и в кают-компани столы. Моряки завтракали и обедали, полдничали и ужинали.

Слонам так часто есть не положено. У них особое расписание и особая пища.

В девять часов утра Рави и Шаши завтракали. В пять часов вечера обедали. И, хотя Рави и Шаши совсем ещё маленькие, каждый из них съедал за день столько, сколько и взрослому человеку не съесть.

По утрам доктор Рао раскрывал свою записную книжку. А в ней написано: «Рис сухой — один килограмм, сахар — двести пятьдесят граммов, молоко свежее — пятьсот граммов, соль — пятнадцать граммов, сено — двадцать килограммов, сахарный тростник — четыре палки, зелёная трава и ветки — неограниченно». Вот, оказывается, что выдают на день каждому слонёнку!

С травой и сеном Рави и Шаши управлялись запросто: подцепят хоботом пучок — и в рот. Сахарный тростник они тоже ели сами. Очищенные, разрезанные на равные части палочки тростника Рави и Шаши брали хоботом прямо из рук и, ловко переложив их в рот, сладко хрустели и чавкали. С остальными продуктами — дело хуже!

Как-то раз, ещё до посадки на теплоход, поставили перед Рави миску с отварным рисом. Рави опустил хобот в миску, покрутил им и так и сяк, но подцепить рис не смог. Вот наконец он зацепил хоботом кучку риса, но только хотел положить её в рот — рис рассыпался. Облизал Рави пустой хобот и закричал от обиды.

Поставили миску перед Шаши. Опустила она хобот, поковыряла рис, но взять его даже не попыталась.

Принесли Рави и Шаши по миске молока. Уж от молока, наверно, они не откажутся: все дети любят молоко!

Рави и Шаши посмотрели на молоко, но, видимо, не поняли, что это за жидкость, и отвернулись.

Вот тебе и раз! Выходит, что Рави и Шаши такие маленькие, что и есть сами не умеют.

Пришлось им помочь. В отварной рис влили свежее молоко, положили сахарный песок, размешали — получилась настоящая каша.

Взял Магомет Хасим в руку горсть каши, сваял её покрепче, чтоб не рассыпалась, и положил в рот Рави. Попробовал Рави — каша сладкая и вкусная. Пожевал, пожевал и проглотил. Поднял хобот, открыл рот: «Давайте ещё!»

Взял Пир Паша в руку горсть каши, сваял её покрепче, чтоб не рассыпалась, и положил в рот Шаши. Шаши пожевала, пожевала кашу и проглотила. Она тоже подняла хобот и открыла рот: «И мне давайте ещё!»

Так и кормили Рави и Шаши на теплоходе.

Аврал

Погода не радовала моряков. В южных морях август — месяц бурь, штормов и сильных ветров. Начало теплоход на пути к Бомбею, качало и на пути из Бомбея.

Плохо переносили качку взрослые слоны, ещё хуже переносили её Рави и Шаши. Их клетки были покрыты брезентом, но брызги всё равно попадали на слонят. Солоня морская вода, и как ни толста у Рави и Шаши кожа, она чесалась и болела от соли.

Видел это капитан Чернобровкин и потому старался вести теплоход на ветер, чтобы волны ударяли не в борт, а в нос корабля. Разрезал теплоход своим острым килем волны — брызги не попадали на палубу, а разлетались в разные стороны.

Но вот при входе в Аденский залив, на границе

Аравийского моря и Индийского океана, обрушился на палубу теплохода сильный ливень. Забурлило море, заштормило пуще прежнего. Вдруг огромная волна ударила в корабль и, перевалив через левый борт, прокатилась по палубе. В ту же минуту раздался треск дерева и крик Шаши. Мокрая с головы до ног, Шаши забилась в угол и с ужасом смотрела оттуда на разбитую волной дверцу своей клетки.

— Аврал! — разнеслась по теплоходу команда капитана Чернобровкина. Выбежали моряки на палубу.

— Немедленно устранить повреждение, укрепить клетки! — приказал капитан.

И моряки принялись за работу.

Больше часа стучали на палубе топоры и гремели цепи. На славу поработали моряки: выправили покосившуюся клетку Шаши, починили разбитую дверцу. А для того чтобы и впредь не было никаких неприятностей, закрыли дверцу клетки не на простой запор, а на стальные цепи.

Как лечили Шаши

У каждого доктора есть свои помощники — врачебные инструменты. Есть такие помощники и у доктора Рао. Но доктор Рао — необычный врач, и инструменты у него тоже необычные: очень большие. Доктор Рао лечит зверей. Рави и Шаши — его пациенты.

Доктор Рао прослушивал слонят, ставил им градусники, проверял, нет ли у них насморка и кашля. Много было забот у доктора Рао в дороге. И вдруг прибавилась ещё одна: от сильной качки заболела Шаши.

Шаши перестала есть. Четыре дня и четыре ночи

она лежала, почти не вставая, в своей клетке: то дремала, то сосала хобот.

Доктор Рао достал из своего ящичка с медицинскими инструментами большой шприц, наполнил его глюкозой и пошёл к Шаши.

Первый раз в жизни увидела Шаши шприц и, как все ребята, испугалась. Но оказалось, что укол — не такое страшное дело. Шаши вскрикнула, а доктор Рао уже спрятал пустой шприц и вышел из клетки.

Вечером, во время второго укола, Шаши опять вскрикнула, а на следующее утро встретила доктора спокойно.

Глаза её повеселели, Шаши стала на ноги и вдруг увидела, что пол клетки не качается, как прежде. Она посмотрела на море — оно было почти спокойно и не бросало брызг на палубу теплохода. Над головой Шаши впервые за много дней пути плыло освещённое солнцем голубое небо.

Теплоход «Ставрополь» держал путь по тихим водам Красного моря.

Рави и Шаши хитрят

Не было в Красном море ни ветров, ни штормов. На смену им пришла сорокаградусная жара. С утра до вечера палило южное солнце. Металлическая палуба теплохода горела под ногами, как раскалённая сковородка.

Клетки Рави и Шаши опять покрыли брезентом, но слонятам всё равно было жарко. Они вытягивали хоботы, требуя воды.

Пили слонята без посторонней помощи, сами. Рави опускал в ведро хобот, наполнял его водой и осторожно, чтобы не разлить ни капли, переносил в рот.

У Шаши дела шли похуже — вода проливалась, но она всё же продолжала пить сама.

Вдоволь напившись, Рави и Шаши лили воду на спины — купались.

День, и два, и три стояла жара. Много воды в Красном море, но не годится солёная морская вода для питья. Всё меньше пресной воды оставалось в баках, а до Порт-Саида было ещё далеко. Там — первая остановка на пути из Бомбея. Там можно будет пополнить запасы пресной воды.

— Пресную воду экономить для приготовления пищи и для питья! — приказал капитан.

Значит, Рави и Шаши не удастся поливать водой спины. Придётся потерпеть.

После завтрака Магомет Хасим и Пир Паша принесли слонятам вдвое меньше воды. Выпили Рави и Шаши всю воду, а на купание ничего не осталось.

Пришло время обеда, и опять индийские служители принесли слонятам воду для питья.

Но Рави почему-то не стал пить воду, как прежде, а вылил её себе на спину. То же самое сделала и Шаши.

Опростав вёдра, слонята вытянули хоботы и лукаво посмотрели на Магомет Хасима и Пир Пашу:

«Подавайте-ка нам ещё воды! Теперь мы будем пить!»

Ничего не поделаешь: Магомет Хасим и Пир Паша взяли пустые вёдра и снова пошли за водой.

Нельзя же оставлять Рави и Шаши без питья!

— Ну и хитрецы! — удивился Чернобровкин. — Перехитрили всё же капитана!

Что случилось с Рави?

Теплоход подошел к Суэцкому каналу, и тут произошла заминка. Впереди неожиданно остановились два иностранных корабля. Пришлось остановиться и «Ставрополю».

Суэцкий канал неширок, никак не разойтись здесь несколькими большими судам.

Но только встал теплоход — на палубе раздался пронзительный крик.

Это кричал Рави. Он метался по клетке, высовывая хобот то слева, то справа.

Прибежали на палубу индийцы.

Доктор Рао вошёл в клетку к слонёнку, попытался успокоить его, но Рави продолжал орать так, словно его режут.

Но вот стоявшие впереди пароходы, а за ними и «Ставрополь» снова двинулись вперёд. Рави сразу же перестал кричать и как ни в чём не бывало принялся жевать сено.

Через несколько часов теплоходу опять пришлось остановиться, и тотчас же Рави начал кричать.

— Что случилось с Рави? Уж не заболел ли он? — забеспокоился доктор Рао.

Когда «Ставрополь» вышел из канала и бросил якорь у одного из причалов Порт-Саида, снова раздался крик Рави.

Он кричал несколько часов кряду, кричал жалобно и призывно и при этом протягивал свой хобот в сторону земли.

Только тут все поняли, почему кричал Рави. Он принимал каждую остановку теплохода за окончание путешествия и просился на землю. Надоела Рави дальняя морская дорога!

Опять аврал!

Однажды утром опять прозвучала команда:

— Аврал!

Выбежали на палубу свободные от вахты моряки: неужели ещё какая-нибудь неприятность?

Спокойно Средиземное море. Тихо на палубе. Клетки стоят на месте, слонята живы-здоровы. Что же такое?

— Сегодня банный день, — объяснил капитан Чернобровкин. — Будем купать животных.

Вынесли на палубу глубокий таз, налили его до краёв тёплой водой:

— А ну-ка, обезьяны, ныряйте в воду!

Первым влез в таз Яшка. Пока он бултыхался и нырял, остальные обезьяны сидели на почтительном расстоянии и даже не пытались подойти к воде.

Но вот появился боцман Савоськин. Он схватил Яшку за передние лапы и вытащил на палубу:

— Искупался — и хватит!

Борька, Жорка и Машка только и ждали этого. Они подбежали к тазу и сразу же нырнули в воду.

Яшка сердито закричал. Изловчившись, он вырвался из рук Савоськина, подбежал к тазу и недолго думая стал топить ныряльщиков.

Опять пришлось боцману Савоськину схватить Яшку за лапы и отвести подальше от таза.

А рядом купались большие слоны — Бак Зап и Вой Кай Лон. Конечно, они вели себя не так, как обезьяны. Солидно, с достоинством поливали Бак Зап и Вой Кай Лон свои могучие спины. Матрос Коломиец и вьетнамцы-сопровождающие еле успевали подносить к их клеткам наполненные водой вёдра.

И всё же самое интересное происходило на левой корме теплохода.

Рави и Шаши купались по-своему: электрик Соколов поливал их из пожарного шланга.

Рави почему-то боялся воды. Он прыгал по клетке, кричал, вставал передними ногами на стенки, крутил хоботом, стараясь спрятаться от струи воды.

Шаши вела себя по-другому: она не кричала, не забивалась в угол и не вставала на дыбы, а спокойно подставляла то правый, то левый бок.

Видно, Шаши очень нравилось купание!

Пассажиров снимают на берег

Шестнадцать суток плыли Рави и Шаши на теплоходе. И вот «Ставрополь» прибыл в Одессу. Пора снимать пассажиров на берег.

Как и раньше, в Бомбее, к борту теплохода подкатил большой подъёмный кран.

На палубе уже всё было готово: моряки открепили клетки Бак Запа и Вой Кай Лон, вьетнамцы-сопровождающие заняли свои места на спинах слонов. Нельзя оставлять слонов в такие минуты одних — они могут испугаться во время разгрузки, поломать клетки, и тогда всё пропало!

Первым покидал теплоход Бак Зап. Подъёмный кран понёс его клетку к причалу. Казалось, всё шло хорошо. Бак Зап спокойно стоял в своей клетке и только медленно покачивал из стороны в сторону хоботом.

Вот уже кран повернулся к стоящему на причале железнодорожному составу, вот уже крановщик приготовился поставить клетку на большую платформу, как вдруг пол клетки проломился и правая передняя лапа

слона оказалась в воздухе. Крановщик срочно выключил мотор, и клетка Бак Запа повисла в воздухе над платформой.

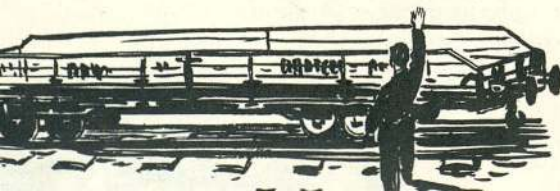
Как быть? Поставить клетку на платформу — значит отдавить слону ногу. Держать Бак Запа в воздухе тоже опасно: испуганный слон может окончательно поломить дно клетки и разбиться.

Но не зря на спине слона сидел вьетнамец-сопровождающий: он обнял шею Бак Запа и, ласково глядя его, стал упрашивать поднять ногу. Бак Зап словно понял, в чём дело, приподнял переднюю ногу и в ту же минуту оказался вместе со своей клеткой на железнодорожной платформе.

Пришла очередь Вой Кай Лон. Увидев всё, что произошло с Бак Запом, слониха решила сама позаботиться о себе. Когда подъёмный кран поднял её с палубы, Вой Кай Лон выставила хобот и стала поддерживать им дно клетки. Прежде чем опустить слониху на платформу, и её пришлось подержать несколько минут в воздухе, чтобы не отдавить ей хобот. Не так легко было уговорить Вой Кай Лон оторвать хобот от дна клетки.

Зато Рави и Шаши оказались молодцами: разгруз-ка их никому не доставила беспокойства. Подъёмный кран с такой лёгкостью снял с борта теплохода клетки со слонятами, будто это были пустые деревянные ящики.

Теперь на теплоходе остались обезьяны да удавы. Им предстояло совершить ещё один рейс на теплоходе: Одесса — Новороссийск. Из Новороссийска они должны были поехать дальше, к пионерам города Ставрополя, с которыми давно дружит команда теплохода.

Соседка

В Одесском порту слоны расстались. На товарном поезде уехали в дальние города вьетнамские слоны Бак Зап и Вой Кай Лон.

У индийских слонят дорога близкая. Два грузовика провезли Рави и Шаши по улицам города и, въехав в ворота зоопарка, остановились около слоновника.

— Какие малыши! — удивился директор зоопарка Харитон Харитонович и поспешил вызвать подъёмный кран. Хоть и малы Рави и Шаши, всё же они не просто дети, а слонята. Без подъёмного крана не обойтись!

Приехала машина с подъёмным краном. Клетки сняли с грузовиков. Впервые после долгого путешествия Рави и Шаши ступили на землю. Неуверенной, шатающейся походкой направились они к огороженной стальными балками слоновьей площадке и тут увидели за оградой большую слониху.

— Знакомьтесь, это наша Дели, — сказал Харитон Харитонович слонятам. — Она тоже ещё ребёнок, ей всего десять лет.

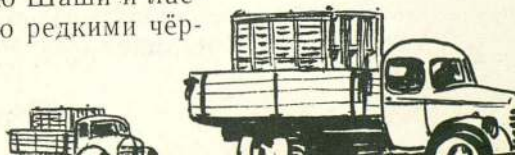
Посмотрели слонята на Дели: ну и ребёнок! Ростом с целый дом и весит, наверно, тонны три!

Рави и Шаши привязали к двум рядом стоявшим деревьям. Слонята потянулись к Дели хоботами, а Рави даже попытался подойти к ней поближе.

Но оказалось, что новая соседка и знаясь не желает с приезжими. Она заволновалась, затрубила и рванулась с цепи, пытаясь ударить слонят.

Пришлось отвести разбушевавшуюся Дели подальше от малышей — в левый угол площадки.

Обиженные слонята уже не смотрели на Дели. Рави положил хобот на шею Шаши и ласково гладил её поросшую редкими чёрными щетинками спину.

Тихий час

На обед слонятам принесли обычную пищу: отварной рис с молоком и сахаром.

Шаши посмотрела на миску с рисом и отвернулась: «Не хочу — и всё!»

Шаши капризничала.

Рави, увидев миску с рисом, поднял хобот и открыл рот: «А я не так глуп, чтобы от еды отказываться».

Он съел одну горсть риса, за ней другую, третью, четвёртую, пятую... Вот и миска уже пуста!

Шаши заметила, что Рави уничтожил не только свою, но и её порцию риса. Когда принесли сахарный тростник, она первая выхватила хоботом из рук слоновода лакомую палочку.

От сена Шаши тоже не отказалась. Правда, она не бросала сено на спину, как это делал Рави, но взяла пучок сена и отправить его в рот — пожалуйста! В этом Шаши не уступала Рави.

После обеда — тихий час.

Шаши отошла в сторонку, выбрала место, где не светит солнце, и легла на бок. Хорошо подремать часок-другой!

Но, видно, это не понравилось Рави. Подошёл он к Шаши, поджал ноги — и бух прямо на неё!

Ничего не поделаешь, пришлось Шаши подняться. Она недовольно встряхнула головой, отошла подальше и опять легла: «Верёвка коротка. Здесь ты меня не достанешь».

И верно: попытался Рави подойти к ней, а верёвка не пускает. Шаши успокоилась и закрыла глаза.

Вдруг — что такое? Кто-то схватил её за хвост и дёрнул — раз, другой, третий!

Вскрикнула Шаши и вскочила на ноги:
«Что за безобразие?»

Оказывается, это Рави протянул хобот и схватил её за хвост.

Дремавшая в другом углу площадки Дели услышала голос Шаши и проснулась.

Вот вам и тихий час!

Купание

Вместе со слонятами привезли в зоопарк их одежду — тёплые попоны.

— Если температура воздуха будет ниже пятнадцати градусов тепла, — посоветовал доктор Рао, — надевайте на них попоны. Иначе Рави и Шаши могут простудиться. У слонят тоже бывают насморк и кашель.

Пока попоны не нужны. В тени — тридцать градусов, а на солнце ещё жарче.

Нет в зоопарке специального бассейна для слонов.

Протянули на площадку длинный резиновый шланг, каким дворники поливают улицы:

— Есть желающие купаться?

Желающие нашлись.

Сначала, чтобы не испугать слонят, направили струю воды в воздух. Получился настоящий дождик. Стал он поливать Рави и Шаши. Закружились слонята по площадке, стараясь попасть под самые крупные капли. Тогда направили струю прямо на слонят.

Фыркая и покрикивая, отталкивая друг друга, Рави и Шаши опускались на колени, поднимались на

задние ноги, встряхивались и опять подставляли спины под водяную струю.

— Хорошего понемножку, — весело сказал директор. — Теперь будем купать вас каждый день.

Харитон Харитонович не меньше слонят был доволен купанием. Он заметил, что Рави и Шаши начинают понемногу привыкать к новой обстановке.

Рави и Шаши гуляют

По утрам, пока в зоопарке нет посетителей, Рави и Шаши гуляют.

Когда Рави берет за верёвку и выводят из слоновника, Шаши не ждёт особого приглашения: она сама отправляется вслед за Рави. Еле заметно покачиваясь из стороны в сторону, слонята идут друг за другом по главной аллее зоопарка, мимо клеток с орлами и лисицами, львами и страусами, пантерами и оленями. Головы у Рави и Шаши чуть опущены, хоботы почти касаются земли, но не подумайте, что слонята недовольны. Просто Рави и Шаши немного важничают.

В противоположном конце зоопарка — небольшая поляна. Она поросла кустарником и низкой, густой травой. Здесь — остановка. Рави отпускают с верёвки, и слонята пасутся на траве.

Рави не умеет рвать траву, но он учится. Он пытается захватить побольше травы — хобот не слушается его, да и сил у слонё. а ещё маловато. Но нет-нет, да и удаётся Рави самому сорвать пучок сочной

травки, и счастливый слонёнок долго и тщательно отряхивает её от земли, прежде чем взять в рот.

Шаши ленится и не пытается сама рвать траву. Ей кладут пучки в хобот.

Чтобы проучить Шаши, Рави вырывает у неё из хобота траву и отбрасывает в сторону.

«Учиться надо. Смотри, как я!» — словно говорит Рави и опять обхватывает хоботом пучок травы, пытаясь вырвать её из земли.

Обратный путь слонята совершают в том же порядке: впереди на верёвке шествует Рави, за ним самостоятельно — Шаши.

На полдороге, у бочки с водой, — опять остановка. Высока бочка, слонята не видят, что в ней, но Рави сразу же задирает хобот вверх и опускает его в воду. Через минуту Рави уже тянет хобот ко рту — он пьёт.

Шаши не может понять, что делает Рави. Она приглядывается, но к бочке не подходит.

Приходится ей помочь. Шаши подводят к бочке и окунают её хобот в воду. Но Шаши опять капризничает — она вырывает хобот обратно. Тогда работники зоопарка выплёскивают на Шаши несколько пригоршней воды.

— Смотри, Шаши, это вода, вода! Ведь ты же любишь купаться и пить любишь! Ну, пей!

Но Шаши крутит головой, стряхивая с себя воду, и пить отказывается.

Выручила кружка. Её наполнили водой и поднесли к Шаши. Шаши увидела воду и охотно опустила хобот в кружку — стала пить.

Рави стоял возле бочки, но, заметив, что Шаши пьёт из кружки, моментально повернулся и потянулся хоботом к ней. Он даже фырк-

нул от злости: почему это Шаши пьёт из красивой блестящей кружки, а он должен пить из простой бочки? Что за несправедливость!

Но Шаши не стала сердиться на Рави, не стала мешать ему опускать хобот в кружку: пусть пьёт. Для друга ничего не жалко.

Соседка меняет характер

Нагулялись Рави и Шаши — надо возвращаться. Вышли они вновь на главную аллею и направились к слоновнику. Но не успели слонята сделать и двух шагов, как услышали чей-то крик.

Часто кричат в зоопарке разные звери и птицы, и слонята уже привыкли к этому. Даже когда ревёт в своей клетке лев, а в соседней клетке ему начинает подвывать львица, оберегающая трёх малышей-львят, Рави и Шаши не обращают на это никакого внимания.

Но сейчас крик был удивительно знакомым.

Неужели это Дели кричит?

Рави и Шаши заспешили к слоновнику. А Дели, увидев, что Рави и Шаши возвращаются в целости и сохранности, перестала кричать и радостно закутила хоботом.

«Идите скорей, я уже соскучилась!»

Вошли Рави и Шаши на свою слоновью площадку и сразу направились к Дели.

— Может, не стоит подпускать? А то ещё по-
бьёт! — заволновался Харитон Харитонович.

Но оказалось, что директор волновался напрасно.

Дели погладила хоботом подошедших к ней слонят, и её маленькие добрые глаза засветились лаской и радостью. А Рави и Шаши, давно забывшие о первой неприятной встрече с новой соседкой, уже спокойно тёрлись об её огромные сильные ноги.

Встреча в зоопарке

Никогда раньше у входа в зоопарк не было очереди, а теперь появилась. Сегодня воскресенье, и народу особенно много.

— Придётся постоять в очереди. Как думаешь? — спросил капитан Чернобровкин сына.

— Постоим!

Вове Чернобровкину всего пять лет, но он готов хоть целый день стоять в очереди: ему надо во что бы то ни стало посмотреть на Рави и Шаши. В порту, когда встречали папин теплоход, Вова видел больших слонов, а маленьких так и не разглядел — в клетках их не было видно.

Но целый день стоять в очереди не пришлось. Вскоре капитан Чернобровкин и его сын уже смотрели, как Рави и Шаши играют, вырывают друг у друга сено.

Плотной толпой обступили люди площадку. И неизвестно, кого больше в этой толпе — взрослых или ребят. Посмотреть на Рави и Шаши хочется всем — и большим и маленьким.

— А кто из них кто? — спросил Вова Чернобровкин, подпрыгивая на отцовском плече.

— Правый — мальчик, то есть Рави, а левая — девочка, то есть Шаши, — объяснил отец.

Рядом с капитаном стоят его товарищи по теплоходу — электрик Соколов и матрос Коломиец, боцман Савоськин и механик Шлыков. Уж кому-кому, а морякам «Ставрополя» особенно приятно наблюдать за Рави и Шаши. Не сговариваясь, пришли они сегодня в зоопарк проводить своих бывших пассажиров.

— А почему они на вас не смотрят? — опять поинтересовался Вова.

— Наверно, забыли, — сказал Чернобровкин.

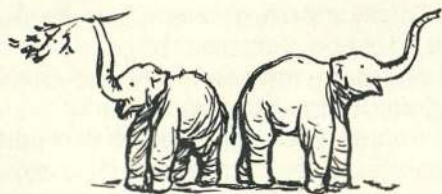
— Маленькие они ещё. Да и народу слишком много. Разве разглядишь! — добавил Соколов, словно желая оправдать Рави и Шаши.

И вдруг случилось неожиданное.

Рави и Шаши повернулись к загородке и замахали хоботами.

— Смотрите! Смотрите! Узнали! — закричал Соколов.

Обрадовались моряки. Обрадовались и все, кто стояли вокруг. А индийские слонята Рави и Шаши продолжали весело махать хоботами, словно приветствуя и старых и новых советских друзей.

СТИХИ ПРО ВЕРБЛЮДА

Интересно прокатиться
На коне и на слоне!
Но удобнее сидится
У верблюда на спине!

Меж горбов его мохнатых
Разместились седоки.
То — индийские ребята
С берегов Джамны-реки¹.

Как автобус двухэтажный,
По делийской мостовой
Он идёт, большой и важный,
Чуть кивая головой.

С виду — горд и непреклонен,
Он на деле не таков!
По натуре — он тихоня
И добряк из добряков!

У него душа овечья,
Хоть размер великоват.
Он почти по-человечьи
Любит взрослых и ребят.

У кого возможность будет
Съездить в жаркие края,
Покатайтесь на верблюде!
Право, здорово, друзья!

¹Д ж а м н а — приток Ганга, на котором расположен город Дели, столица Республики Индии.

КАК СНЕЖОК В ИНДИЮ ПОПАЛ

Находка Уйрапака

Э то случилось весной на далёкой Чукотке. Уйрапак возвращался с охоты. Он был доволен своей добычей. Три дикие утки, канадский журавль и, главное, красавец гусь-белошей лежали в его сумке.

«Игэ-ляньгэ-саньгэ...» — напевал Уйрапак.

То была вовсе не песня, а просто китайский счёт: один, два, три... Как залетели далёкие китайские слова на Чукотку, Уйрапак не знал. Их распевали все ребята в посёлке, и Уйрапак тоже напевал непонятные слова. Они были похожи на родные, эскимосские.

Впереди Уйрапака бежал Школьник — чёрная с длинной шерстью лайка. Это Уйрапак дал ей такое имя.

Четыре года назад, когда отец принёс в ярангу маленького щенка, Уйрапак тоже был маленьким. Он тогда только начал учиться и знал всего лишь одно русское слово — школьник. И Уйрапак назвал щенка этим русским словом.

Теперь Школьник — взрослый пёс. И Уйрапак почти взрослый. Ему двенадцать лет, и за спиной у него висит ружьё.

Был полярный день. Вдоль берега гнездились кулики. Чайки-моёвки кружились над самой водой. На прибрежных скалах парочками сидели полярные чистики. Птицы галдели, чувствуя приближение лета.

Вот откуда-то вырвалась крачка — беспокойная серая птичка с чёрным, словно шапочка, пятном на голове. Она с пронзительным криком промчалась перед лицом Уйрапака. Видно, хотела напасть на него. Но Уйрапак не стал связываться с вредной крачкой. У не-

го твёрдый характер и имя твёрдое. Не зря его назвали Уйрапак, что по-эскимосски значит «камень».

До посёлка было недалеко. Уйрапак свернул в сторону от моря и спустился в ложбинку. Здесь ещё местами лежал снег. Приходилось обходить снежные островки. Иначе можно провалиться. Снег таял снизу. Под ним уже оживали низкие кустики полярного мака.

Вдруг впереди раздался прерывистый лай Школьника.

— Какко-мэй! — вскрикнул Уйрапак.

Это означало, что он очень удивлён. Уйрапак скинул с плеча ружьё и побежал на лай собаки. Вот он выскочил к берегу залива, и тут даже его твёрдое сердце ёкнуло.

На берегу, среди валунов, катался по земле взъерошенный, лохматый, ростом с небольшую собаку, белый медвежонок. На вид ему было не больше трёх—четырёх месяцев. Он, как мог, отбивался от наседавшего на него Школьника.

— Утэг-мун! Назад! — крикнул Уйрапак.

На этот раз Школьник, привыкший и к эскимосской и к русской речи, не послушался хозяина. Со злобным лаем он продолжал скакать вокруг медвежонка. Медвежонок рычал и пытался в сторону залива.

— Назад! Утэг-мун! — ещё раз закричал Уйрапак.

Школьник нехотя отбежал от медвежонка и запрыгал у ног хозяина.

Оставаться рядом с медвежонком было опасно. Вот-вот появится медведица и тогда Уйрапаку несдобровать. Стрелять в белых медведей запрещено. Да и вряд ли убьёшь медведицу с первого выстрела.

Но медведица почему-то не появлялась. Уйрапак стоял под прикрытием скалы и

придерживал Школьника. Ветер дул в другую сторону и не мог донести запах человека и собаки до медвежонка.

А в это время медвежонок метался по берегу залива. Он завывал и беспокойно нюхал воздух. Прошло ещё несколько минут. Медведицы всё не было. Собака ещё сердилась, но уже не лаяла.

Медвежонок немного успокоился и растянулся возле самой воды. Голова его с маленькими, еле заметными в густой шерсти ушами, лежала на передних лапах.

«Наверно, он плачет», — подумал Уйрапак.

Ему стало жаль медвежонка. Хотелось подойти к нему, погладить, приласкать. Но Уйрапак продолжал выжидать.

Вдали шумели птичьи базары. Лишь необычные крики розовых чаек выделялись из этого многоголосого гомона:

— Куу-ик-куик, куу-ик-куик...

Медвежонок вновь зашевелился и приподнялся на передних лапах.

Теперь он был совсем похож на щенка. Только ростом чуть побольше.

— Тут Уйрапак вышел из-за скалы. Медвежонок ошестинился, зарычал и стал пятиться от Уйрапака. Тогда Уйрапак скинул с себя меховую куртку, накрыл ею медвежонка и взял его на руки. Медвежонок приподнял морду и неожиданно лизнул Уйрапака в щёку.

— Ну, вот и хорошо, — сказал Уйрапак. — Не надо сердиться. А то пропадёшь здесь один...

Он направился к посёлку. Впереди Уйрапака бежал Школьник.

Медвежонок был на руках хозяина, и теперь собака не обращала на него никакого внимания. Он был так же безразличен Школьнику, как и утки, и журавль, и гусь, что лежали в сумке Уйрапака.

Медвежонок оказался беспокойным и капризным, как малый ребёнок.

Все разговоры в яранге теперь только о нём:

— Каниграк хочет! Каниграк не хочет!

— Каниграк ест! Каниграк не ест!

— Каниграк кричит! Каниграк молчит!

Каниграк — эскимосское слово и по-русски оно означает «Снежок».

И правда, медвежонок, которого принёс Уйрапак, очень похож на снег. Он такой же белый, мягкий и пушистый.

Потому и назвал его Уйрапак Снежком.

Вчера, пока Уйрапак нёс медвежонка в посёлок, Снежок вёл себя тихо. Видно, пригрелся в тёплой куртке. Дома медвежонок начал капризничать и буянить.

«Может быть, медвежонок заболел?» — подумал Уйрапак.

Потрогали холодный, влажный нос медвежонка.

— Нет. Он здоров. Наверно, есть хочет.

Раздобыли оленьё молоко, соску и бутылку. Снежок пофыркал-пофыркал, потом жадно вцепился в соску и начал пить.

Но вот беда!

Не успел медвежонок опорожнить и половину бутылки, как до дыр изгрыз резиновую соску. Значит, одной соски Снежку мало!

Уйрапак побежал в лавку.

— Дядя Матлю, дайте мне, пожалуйста, десять сосок! — попросил он продавца.

— Какко-мэй! — удивился старый Матлю. — Уж не появилось ли у тебя сразу десять братьев и сестёр?

Через час Снежок разорвал ещё две соски, а третью чуть не проглотил вместе с остатками молока.

К полудню отец Уйрапака не выдержал:

— Так ты говоришь, что нашёл его на берегу залива?

— Да, ата. А что?

— Искать медведицу надо,— объяснил отец.— Не уйдёт она далеко. Ну, а найду, подбросим ей медвежонок. Не оставлять же его в яранге!

Уйрапак и сам теперь понимал, что оставлять Снежка дома нельзя.

Отец оделся, зарядил карабин, взял с собой собаку и вышел из яранги.

Вернулся отец только к вечеру. Усталый, вымокший с головы до ног, он молча бросил к ногам большую, покрытую бурыми кровавыми пятнами медвежью шкуру.

— Подохла она, медведица-то,— сказал отец, переодевшись и закулив трубку.— То ли от болезни, то ли от чего. Среди камней лежала. Удивительно, как ты не нашёл её.

— Смотри, ата,— неожиданно прервал его Уйрапак.

Медвежонок, который возился в это время в противоположном углу яранги, затих и, беспокойно поводя своим чёрным носом, заковылял к принесённой отцом шкуре.

Вот он подошёл к ней вплотную, внимательно обнюхал её со всех сторон и вдруг, довольно заурчав, улёгся прямо на мохнатую, немного намокшую и побуревшую шерсть.

— Глупый ещё... Мать признал! — сказал отец.

А Снежок продолжал урчать, но всё тише и тише. Сладко потягиваясь, он прищуривал свои маленькие блестящие глазки и через минуту уже совсем прикрыл их. Он заснул.

Снежок и его соседи

С

нежок попал в зоопарк в июне.

— Здоров, — сказал ветеринарный врач, осмотрев белого медвежонка, и записал в карточку:

«Возраст — четыре месяца, вес — шесть килограммов.

Пойман в конце мая на Чукотке, на мысе Чаплина. Прислан в подарок зоопарку эскимосскими школьниками. В Архангельск доставлен самолётом, в Москву — поездом».

Затем Снежка выкупали, подержали неделю в отдельной клетке и наконец выпустили на площадку молодняка.

Площадка молодняка — самое интересное место в зоопарке. Снежка ожидало здесь много любопытного.

Первым заметил Снежка бурый медвежонок Малыш. Он сидел на качающейся лестнице и лучше всех видел, что происходит на площадке. Малыш осторожно опустился на землю и, смешно выкидывая в сторону лапы, подбежал к Снежку.

Снежок попятился в сторону. Малыш был меньше Снежка, но это ничуть не смущало бурого медвежонка. Он встал на задние лапы и легко облокотился на спину Снежка.

Два других медвежонка, чуть побольше ростом, тоже подбежали к Снежку и толкнули его в бок. Снежок не понял, что они хотят с ним побороться, свалился на спину и рывкнул. Ни бороться, ни вставать на задние лапы он просто не умел. Бурые медвежата стали бороться друг с другом.

Снежок поднялся с земли и подошёл к бассейну. Он хотел окунуться в воду, но тут заметил ярко-рыжего лисёнка. Прижав уши, лисёнок притаился у фонта-

на, словно готовясь вот-вот напасть на Снежку. Пришлось отойти.

Вдруг раздалось громкое блеянье. Снежок едва успел отскочить в сторону, как мимо него промчались два козлёнка, а за ними вприпрыжку — Малыш. Видно, козлята боялись Малыша — их короткие хвостики вздрагивали.

Снежок направился в правый угол площадки, но обнаружил двух полосатых тигрят, а рядом с ними самого страшного своего врага — собаку. И, хотя собака Тобик не лаяла, а тихо лежала на солнышке, Снежок отошёл в сторону. Он помнил свою первую встречу с охотничьей лайкой ещё там, на родной Чукотке, и с тех пор не доверял собакам.

Всё было необычно и беспокойно. То ли от страха, то ли от яркого солнечного света Снежок жмурился. Его и без того маленькие глазки превращались в еле заметные, словно карандашом проведённые чёрточки.

Неожиданно что-то круглое и влажное ткнулось в голову медвежонка.

— Х-хрю-ю,— раздалось над самым ухом.

Что ещё такое? Снежок вздрогнул. Прямо перед ним стоял белый в крапинку поросёнок Пятачок и гнусавил:

— Х-хрю-ю! Х-хрю-ю!

Вид у Пятачка был миролюбивый. Снежок успокоился. Ему даже понравилось это толстое несурзное

существо с крошечным верёвочным хвостиком. Он провёл носом по шершавой спине поросёнка. Но Пятачок не оценил дружелюбия Снежка. Он ещё раз хрюкнул и потопал к тигрятам.

Вдали, под небольшим деревянным помостом с лесенкой, белело что-то мохнатое и пушистое. Снежок подошёл ближе и вдруг обнаружил двух белых медвежат. Ну и встреча! Спрятавшись в тень, медвежата сладко дремали. Снежок заурчал, с трудом пролез под помост и лёг возле медвежат. Они потеснились и приняли новичка в свою сонную компанию.

А Снежок нащупал ухо одного из медвежат и лизнул его, словно соску.

Кто сильнее?

Жизнь на площадке шла своим чередом. По утрам открывались дверцы клеток и разношёрстная компания зверей высыпала на площадку. Три раза в день раздавался звонок колокольчика, и четвероногие малыши бежали к своим кормушкам. Они завтракали, обедали и ужинали точно по расписанию.

Привык к колокольчику и Снежок. Услышав звонок, он первым срывался с места и оказывался возле кормушки. Снежок не отличался добротой, когда речь шла о еде. Зато в остальное время он был ленив и добродушен.

Бурые медвежата — самые беспокойные и задиристые обитатели площадки. А Малыш особенно. Достается от него и козлятам, и лисёнку, и тигрятам... Даже поросёнок Пятачок не любит связываться с Малышом: попробуй разберись, когда тот шутит, а когда лезет драться всерьёз!

Снежок тоже избегает Малыша. Куда приятнее валяться с белыми медведжатами, а уж если играть, то в воде. Здесь он и с мячом играет, и кувыркается, и брызгается, да так, что все звери разбегаются от бассейна в разные стороны. И Малыш в первую очередь.

Как-то утром появились на площадке новые необычные жильцы: два ежа и белый лебедь-шипун. Стали зверята знакомиться с новичками. Подошли к ежам тигрята, посмотрели на их колючки и повернули обратно. Подбежал пёс Тобик, повилил хвостом и отошёл. Пятачок был посмелее: он поздоровался с ежами:

— Х-хрю-ю! Х-хрю-ю!

Малышу этого было недостаточно. Он отогнал поросёнка и подошёл к одному из ежей. Но только Малыш хотел стукнуть его носом, как вдруг заорал от боли: его нос ткнулся в острые ежовые иглы.

Малыш схватился передними лапами за нос, но в этот же миг кто-то ещё больней ущипнул его в бок. Медвежонок обернулся и увидел рядом с собой лебедя. Вытянув шею с оранжево-красным клювом, лебедь наступал прямо на Малыша.

Не успел медвежонок отбежать, как лебедь встряхнул крыльями и опять щипнул его. Малыш бросился бежать.

Тогда лебедь щипнул подвернувшегося на пути козлёнка, стукнул клювом Пятачка, пугнул Тобика и, гордо вскинув голову, на-

правился к бассейну, в котором бултыхались белые медвежата.

— Ш-ш,— шипел он, подходя к медвежатам.

Но не тут-то было. Снежок вынырнул из воды, раскрыл пасть и, как только лебедь нагнул шею, дёрнул его прямо за клюв. Шипун не удержался на ногах и свалился в воду.

Начался переполох. Лебедь беспомощно бил по воде крыльями и шипел. Вот Снежок изловчился и стукнул лебедя по спине. Полетели перья. Тут прибежали люди и выручили незадачливого смельчака.

— Поделом тебе, забияка! Не будешь драться!

С тех пор решено было не пускать на площадку молодняка никаких лебедей: ни молодых, ни старых, ни белых, ни чёрных.

А Малыш теперь не приставал уже больше к Снежку.

Пассажир № 15

Стояла тёплая сентябрьская ночь. Прожекторы освещали бетонные дорожки аэродрома. По ним уходили в рейс и возвращались из рейса самолёты. То тут, то там мигали красные и зелёные огоньки маяков. Они показывали лётчикам путь на землю и путь в небо.

По радио голос диктора передал очередное объявление:

— Начинается посадка на пассажирский самолёт, отправляющийся по маршруту Москва—Ташкент. Повторяю...

Жизнь на большом аэродроме не прекращалась и ночью.

Тринадцать пассажиров вышли из здания аэровокзала. Они направились к одному из самолётов. Прошло несколько минут, и пассажиры заняли места в мягких, покрытых белыми чехлами креслах. Лишь последнее кресло было свободно.

До отлёта оставалось минут десять, когда появился четырнадцатый пассажир. Он подъехал к самолёту на автобусе и был с особым вниманием встречен лётчиками и контролёрами.

— Ну как, Игорь Петрович, доставили? Всё в порядке?

— В полном порядке.

— Ну, тогда давайте грузить...

И тут оказалось, что четырнадцатый пассажир, которого все называли Игорем Петровичем, вовсе не последний.

Только он занял место в кабине, как несколько сильных мужских рук вытащили из автобуса обитый железом ящик с решёткой и понесли его к самолёту. Вот ящик с трудом протиснули в дверь, вот он уже поставлен возле багажа в конце кабины... И вдруг страшный рёв переполошил пассажиров. Они вскочили со своих мест.

— Но простите, это же медведь! — удивился кто-то из пассажиров. — Это очень опасно!

— Пожалуйста, не волнуйтесь! — постарался успокоить его Игорь Петрович. — Это всего лишь маленький белый медвежонок. Его зовут Снежок.

— Вот вам пассажир номер пятнадцать, — пошу-

тил один из лётчиков,— прошу любить и жаловать! А сейчас придут ещё пассажиры!

— Как — ещё?!

В это время в дверь самолёта втащили два ящика — один с голубями, другой — с тёмно-бурым, мохнатым зверем, длинный хвост которого яростно бил по решётке.

— А это кто?

— Это Роза. Росомаха,— сказал Игорь Петрович, помогая грузчикам поудобнее установить клетки.

— Именно Розы нам и не хватало! — сказал один из пассажиров.

Пассажиры были несколько смущены. Никому из них никогда не приходилось летать с такими соседями.

— Это подарки, которые мы везём в Индию, в Мадрасский зоопарк,— объяснил Игорь Петрович.

Клетки прикрыли брезентом. Медвежонок затих. Перестала возиться Роза. Умолкли голуби. Они сидели парочками в трёх отделениях ящика: два — белых, два — белых с коричневыми крыльями, два — с серыми.

Пассажиры заняли свои места, и самолёт пошёл на взлётную площадку.

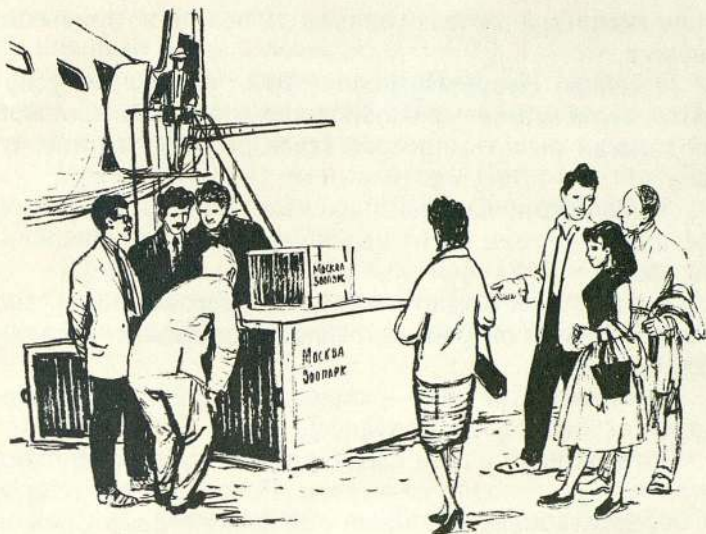
Вскоре в самолёте наступила полусонная тишина. Загорелись синие контрольные лампочки. Пассажиры, привыкшие к частым воздушным путешествиям, крепко уснули. Остальные задремали. Задремал в своём кресле и Игорь Петрович.

Но минут через двадцать, на высоте две тысячи метров, опять раздался беспокойный рёв медвежонка.

Пассажиры заволновались.

Игорь Петрович вскочил со своего места и подошёл к клетке Снежка. Медвежонок забился в угол и

жалобно рычал. В соседней клетке завозилась Роза: она встала на лапы, выгнув спину. Зашевелились в своей клетке и голуби.

— Ну что ты, Снежок? Чего ты испугался, глупенький? — говорил Игорь Петрович, присев возле клетки.

Снежок, видно, узнал знакомый голос и подошёл к решётке.

Ещё в Москве, узнав о предстоящем путешествии в Индию, Игорь Петрович по несколько раз в день заходил на площадку молодняка. Он сам давал еду Снежку, сам выпускал его по утрам из клетки, а по вечерам впускал обратно.

Приучать к себе Розу Игорь Петрович не пытался. Росомаха была поймана в Сибири уже взрослой и подружиться с ней было нельзя. Снежок — другое дело. Постепенно он всё больше привыкал к директору,

а директор всё лучше узнавал повадки и привычки Снежка.

И сейчас Игорь Петрович знал, что нельзя успокоить медвежонка только ласковым словом. Снежок продолжал рычать, просовывая в решётку то нос, то лапу.

— Подожди, Снежок! — сказал Игорь Петрович, доставая из сумки кусок варёного мяса с косточкой. — На, бери!

Медвежонок жадно схватил кость и забился в угол клетки. Теперь он уже не рычал, а довольно посапывал. Он ел.

Успокоить Снежка — полбеды! Успокоить пассажиров оказалось куда труднее!

Остаток ночи и весь следующий день Игорь Петрович почти не отходил от клеток. Росомеха и голуби не обращали на него никакого внимания. Зато Снежок в присутствии Игоря Петровича вёл себя спокойнее: он даже подставлял к решётке уши, чтобы приласкаться.

К вечеру самолёт прилетел в Ташкент. Уставшие пассажиры вышли из кабины и, как всегда, облегчённо вздохнули, почувствовав под ногами твёрдую землю.

Потом выгрузили клетки. Снежок и Роза отнеслись к этому событию довольно равнодушно: развалившись на дне клеток, они не обращали никакого внимания ни на зелёное поле аэродрома, ни на окружающих их людей. Голуби на радостях заворковали.

— Неужели ваш медведь не рад, что попал на землю? — удивился один из пассажиров. Видно, сам он впервые летел на самолёте и с трудом перенёс воздушное путешествие.

— Снежок знает, что наш рейс ещё не окончен, — пошутил Игорь Петрович. — Нам ещё лететь да

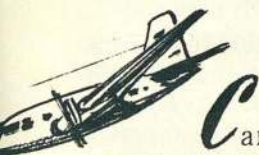
лететь. Ну, а кроме того, Снежок не боится. Ему не впервые быть в воздухе.

— Странно! — сказал пассажир. Он не знал, что всего лишь три месяца назад Снежка привезли на самолёте с далёкой Чукотки.

Через несколько минут Игорь Петрович был уже в почтовом отделении аэропорта. Он отправлял две срочные телеграммы.

«Прилетели Ташкент. Всё порядке», — писал он.

О Снежке и его компаньонах беспокоились и в Москве и в далёком индийском городе Мадрасе.

Рекорд высоты

Самолёт летел из Ташкента в Кабул. Вот внизу появилась жёлтая, мутная Аму-Дарья. Чуть левее вдоль берега потянулись крыши домов. Это старинный узбекский город Термез, что стоит почти на самой границе.

Самолёт сделал круг над аэродромом и пошёл на посадку. Последняя посадка на советской земле. Ещё час полёта, и пассажиры будут в столице Афганистана — Кабуле.

В кабину самолёта пришли пограничники. Предстояла проверка документов. Пассажиры достали красные с золотым советским гербом книжечки — заграничные паспорта. Достал свой паспорт и Игорь Петрович.

И только у восьми пассажиров не оказалось заграничных паспортов: у Снежка, Розы и голубей. Вместо паспортов Игорь Петрович протянул пограничникам ветеринарные удостоверения.

— «Белый медведь. Кличка Снежок... Росомаха Роза, родилась в Сибири... Голуби. Порода — чайки...» — прочёл один из пограничников и улыбнулся: — Для таких важных пассажиров придётся сделать исключение — пропустить через границу без паспортов.

Всё в порядке. Теперь можно лететь!

— Не забудьте надеть кислородные приборы! — предупреждает лётчик.

Впереди — самый трудный участок пути. Предстоит пролететь над высокими горами Афганистана. Самолёт набирает высоту: две тысячи метров, две с половиной, три...

Высота всё увеличивается: три с половиной тысячи, четыре, четыре с половиной... Дышать становится труднее.

Каждое пассажирское кресло снабжено кислородным прибором. Пассажиры натягивают кислородные маски. Игорь Петрович тоже надевает маску, а сам беспокойно поглядывает в противоположный конец кабины: «Как там Снежок? Как Роза? Как голуби? Ведь им не наденешь кислородных приборов!»

Самолёт летит уже на высоте пяти тысяч метров. Внизу — горы. На горных вершинах белеет снег. В самолёте прохладно.

Игорь Петрович не выдерживает, снимает маску и подходит к клетке Снежка.

— Ну, как ты?

Снежок стоит у решётки. Он внимательно рассматривает яркий ковёр, постеленный на полу.

Роза дремлет на дне клетки. Голуби клюют зерно.

Игорь Петрович возвращается на своё место и надевает маску. Так повторяется несколько раз.

Проходит тридцать, сорок минут. Самолёт покачивает, болтает из стороны в сторону. Настала полоса воздушных ям. Пассажиры плотней прижимаются к креслам. Медвежонок даже не ложится. Он радуется наступившей прохладе и не замечает болтанки. Никто не смотрит на зверей и голубей. Никто не удивляется. Удивляется только Игорь Петрович. Он продолжает курсировать между своим креслом и клетками.

Проходит ещё десять минут, и наконец самолёт резко идёт на снижение. Игорь Петрович протягивает медвежонку кусок сахара. Снежок — небольшой сластёна, но от сахара не отказывается. Розе достаётся кусок сырого мяса.

Пассажиры снимают кислородные маски и довольно улыбаются. Болтанка кончилась.

Съев сахар, Снежок облизывается, зевает и лениво укладывается на пол клетки. Теперь его ничто не интересует — опять становится жарко. Роза продолжает есть мясо.

Вскоре самолёт благополучно приземляется на кабульском аэродроме. Здесь ещё более душно. В раскалённом воздухе кружится коричневая глинистая пыль. Снежок моментально превращается из белого медвежонка в бурого.

В Кабуле Игорь Петрович и его подшефные пересели в индийский самолёт. Лётчики-индийцы убрали из кабины четыре пассажирских кресла, чтобы поудобнее поставить клетки с необычным грузом.

Самолёт поднялся в воздух.

Сначала всё было хорошо. Снежок и Роза прохаживались по своим клеткам. Голуби тихо дремали на жёрдочках.

Самолёт миновал границу и полетел над Пакистаном. Вскоре внизу показалась лента реки. Это — Инд, а за ним Индия.

Становится жарче. Раскалённый воздух дрожит. В небе рядом с самолётом парят стаи огромных хищных птиц — грифов и сипов.

Прошло полчаса, час. Под крылом самолёта проплыли города Лахор и Лудиана. Впереди — Дели.

Игорь Петрович подошёл к клеткам и вдруг заметил, что Роза лежит на полу и почти не дышит.

— Что такое? Что случилось?

Теперь уже все пассажиры и даже свободный от вахты индийский лётчик оказались у клетки росوماхи.

Игорь Петрович испугался. Он быстро открыл клетку и взял полуживую Розу на руки. Росوماха почти не подавала признаков жизни.

— Воды! Дайте кто-нибудь воды! — попросил Игорь Петрович. — Она вот там, за клетками.

Кто-то из пассажиров протянул бутылку.

Игорь Петрович силой приоткрыл Розе пасть и стал лить холодную воду. Через минуту росوماха приоткрыла глаза и часто задышала. Она приходила в себя.

— Это от жары, — сказал Игорь Петрович. — У неё всего лишь тепловой удар. А я-то думал...

Наконец Роза окончательно пришла в себя. Она зарычала и попыталась цапнуть Игоря Петровича за руку.

— Ах ты, неблагодарная! — засмеялся Игорь Петрович.

Ничего не поделаешь! Пришлось срочно водворить Розу обратно в клетку.

Доктор Джон

Доктор Джон не боится ни львов, ни тигров, ни крокодилов. И звери не боятся доктора Джона — у него доброе сердце. Звери тоже умеют ценить добро. Звери тоже умеют дружить.

Тигр Франк и зебра Иона, слон Кришна и жираф Виктор, лев Лео и лань Бара — большие друзья доктора Джона.

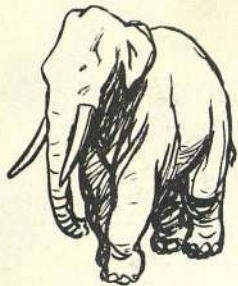
Доктор Джон — ветеринарный врач Мадрасского зоопарка. Много зверей вылечил он от разных болезней, и все они стали его друзьями. Но вот с белыми медведями доктору Джону ещё не приходилось встречаться. Белые медведи не водятся в жаркой Индии, не было их и в зоопарке.

Теперь доктору Джону предстояло познакомиться с настоящим белым медведем.

«Каким же окажется этот русский медвежонок? Какой у него нрав?» — беспокоился доктор Джон.

Он приехал в Дели — столицу Индии — встречать необычные подарки из Москвы.

Огромный делийский аэродром со всех сторон окружён цветниками, пальмами,

фикусами, бананами и бамбуком. Здесь уже собралось много народу: работники Мадрасского зоопарка и служащие советского посольства, корреспонденты газет и фотографы, дети и просто прохожие.

Ярко палит южное горячее солнце. Бетонные дорожки аэродрома раскалены.

И вот наконец прибывает долгожданный самолёт.

— Всё готово? — спрашивает доктор Джон у носильщиков, одетых в ярко-красные рубахи и белые чалмы.

— Готово, — отвечают носильщики.

Самолёт подрулил к зданию аэровокзала.

Однако, как только носильщики стали выгружать клетку, Снежок заметался из угла в угол. Он зарычал, словно вовсе не желал покидать кабину самолёта.

— Что ещё такое? — удивился Игорь Петрович.

— Осторожней! Осторожней! — приказал носильщикам доктор Джон. Он решил, что носильщики недостаточно бережно несут клетку. Снежок продолжал кричать.

Но вот носильщики поставили клетку, отошли в сторону, и медвежонок сразу успокоился.

— Это Снежок яркой одежды испугался, — догадался Игорь Петрович.

Только сейчас он заметил красные рубахи носильщиков.

Выгрузили клетки с Розой и голубями. Тут же, не отходя от самолёта, устроили Снежку душ.

Протянули длинный резиновый шланг. Струю холодной воды направили прямо в клетку. Снежок урчал, разевал пасть, ложился на брюхо и на спи-

ну. Он смешно перебирал лапами, встряхивался, катался по полу клетки.

— Ваш душ Снежку, как видите, понравился, — сказал Игорь Петрович по-английски, обращаясь к доктору Джону.

Доктор Джон заулыбался и достал из кармана записную книжечку.

— Спасибо! Я очень рад! — произнёс он по-русски.

Живой багаж

Ещё в Москве Игорь Петрович приобрёл для росوماхи и голубей дорожную посуду. Приобрёл он посуду и для Снежка. Это были три обычные металлические миски: одна — для питья, две — для еды.

— Вот твоё дорожное имущество! — пошутил Игорь Петрович. — Смотри, береги его!

Но медвежонок оказался плохим хозяином своего дорожного имущества. Пока самолёт летел из Москвы в Ташкент, Снежок успел поломать и изгрызть одну миску. По пути в Дели он уничтожил вторую. Осталась последняя миска, тоже порядком помятая. В неё Снежку наливали воду.

Из Дели в Мадрас медвежонок, росوماха и голуби ехали в багажном вагоне пассажирского поезда. Клетка Снежка стояла на полу, в стороне от полок с чемоданами и тюками, ящиками и мешками. Рядом с клеткой поставили холодильник.

— Пусть медвежонок чувствует себя так же хорошо, как на родном Севере, — объяснили индийцы.

На каждой остановке Снежок, Роза и голуби принимали друзей. Игорь Петрович и доктор Джон ехали в соседнем пассажирском вагоне. Как только поезд прибывал на очередную станцию, они спешили к багажнику.

Доктор Джон наливал в миску медвежонка воду. Снежок моментально выпивал её и только тогда принимался за еду.

Еду приносили индийцы. Стоило поезду остановиться, багажник тотчас же окружали плотной толпой. Снежок был в центре внимания.

— Пожалуйста, угостите его! — просили индийцы Игоря Петровича и доктора Джона, протягивая в дверь вагона рыбу и баранину, кусочки тростникового сахара и рисовые лепёшки.

Мальчишки наперебой предлагали Снежку бананы и ананасы и очень удивлялись, когда доктор Джон объяснял, что белые медведи не признают подобных лакомств.

Снежок охотно лакомился рыбой. Но, когда перед ним положили кусок баранины, медвежонок недовольно зарычал и отвернулся.

Это удивило даже доктора Джона.

— Что такое? Ведь медведи любят мясо!

— Снежок просто не знает, что у вас в стране почти не едят коровьего мяса, — сказал Игорь Петрович. — А к баранине он не привык, вот и капризничает.

Роза была не так привередлива. Она охотно лакомилась и бараниной.

Поезд пересёк почти весь Индийский полуостров. Впереди была станция Безвада, а за ней — берег Бенгальского залива, на котором расположен Мадрас. После нескольких часов пути поезд остановился перед семафором на безлюдном полустанке.

— Пойдёмте проведем наших друзей! Наверно, они уже пить захотели, — сказал Игорь Петрович доктору Джону.

Они направились к багажнику. В это время Снежок лежал на полу своей клетки и спокойно доламывал последнюю миску. Он был так увлечён, что не заметил вошедших.

— Нет, вы только посмотрите! — сказал Игорь Петрович, подходя к клетке. — Как же тебе, Снежок, не стыдно? Ты не медведь, а самый настоящий безобразник!

Снежок повернул голову, взглянул на Игоря Петровича и снова принялся грызть остатки миски.

Доктор Джон только улыбался.

Вскоре поезд тронулся и через час подошёл к большой пассажирской станции Безвада. Возле багажного вагона столпилось много народу. Всем хотелось увидеть необычных пассажиров и особенно неведомого зверя — белого медведя. Мужчины и женщины, старики и дети заглядывали в двери вагона, чему-то удивлялись, о чём-то спрашивали.

В роли главного консультанта был доктор Джон. Ему помогали кондуктор и машинист поезда. За время пути они узнали о Снежке все подробности и теперь свободно отвечали на любые вопросы.

Прозвенел первый звонок. Пассажиры стали расходиться по вагонам. В эту минуту на платформе неожиданно появилось несколько босоногих мальчишек с чайниками в руках. Вот они подбежали к двери багажника и все, как один, протянули доктору Джону чайники с водой.

— Зачем же сразу пять чайников? — говорил доктор Джон. — Я просил только один.

— Возьмите этот! Нет, мой лучше возьмите! Мой больше! — наперебой кричали ребята, предлагая свои чайники.

— И откуда вас столько сразу? — удивлялся доктор Джон. — Давайте-ка вот этот. Он, и верно, побольше!

Игорь Петрович стоял рядом с доктором Джоном. И, хотя он не знал, о чём говорит сейчас доктор Джон с мальчишками, он без слов всё понял.

Новая квартира

В индийском городе Мадрасе уже давно готовились к встрече подарков из России.

Соорудили специальную клетку для росوماхи. Построили три просторных клетки для голубей. Труднее оказалось с квартирой для Снежка.

Директор Мадрасского зоопарка мистер Романжулю и ветеринарный врач доктор Джон долго обходили свои владения, прежде чем выбрать место для медвежонка.

— Нам надо найти такой участок, где нет солнца, — говорил доктор Джон. — Медвежонку и так будет нелегко переносить нашу жару.

Наконец место было найдено. Участок самый подходящий, в центре зоопарка, окружённый со всех сторон огромными, в три обхвата, фикусами, эвкалиптами, пальмами, обвитыми цветущими лианами. Они словно большим шатром прикрывали землю от лучей горячего солнца.

И вот за дело принялись архитекторы и инженеры. Они начертили план будущей квартиры медвежонка — квартиры просторной и со всеми удобствами. Когда план был готов, показали его рабочим: землекопам, каменщикам, бетонщикам, слесарям, плотникам, водопроводчикам.

Принялись они за работу. Плотники и каменщики построили медвежью квартиру — домик с двумя большими просторными клетками. Землекопы выровняли участок. Бетонщики и слесари обнесли участок оградой, а посередине соорудили бассейн. Водопроводчики провели в бассейн воду и устроили душ. Потом землю посыпали песком и галькой.

Игорь Петрович прибыл в Мадрас под вечер, на заходе солнца. Пока грузовая машина доставила медвежонка, росوماху и голубей с вокзала в зоопарк, уже совсем стемнело. Бархатное звёздное небо так низко опустилось над городом, как это бывает только на юге.

Машина проехала по песчаным аллеям зоопарка, мимо озера с островом и перекинутыми к нему мостками, мимо клеток с беспокойным красавцем тигром Франком и, свернув вправо, остановилась под раскидистой

пальмой. Сначала выгрузили Розу. Она не спеша вышла из дорожного ящика и заняла место в новой клетке. Под дно клетки подложили лёд.

— Пусть росомaxe будет прохладнее, — сказал доктор Джон.

Он узнал от Игоря Петровича о том, как в пути Роза упала в обморок, и беспокоился, чтобы этот случай не повторился.

Вслед за Розой выпустили в новые клетки голубей. Теперь настала очередь Снежка.

Машина подъехала к будущему медвежьему жилью. Ящик со Снежком опустили на землю и поставили перед дверью домика.

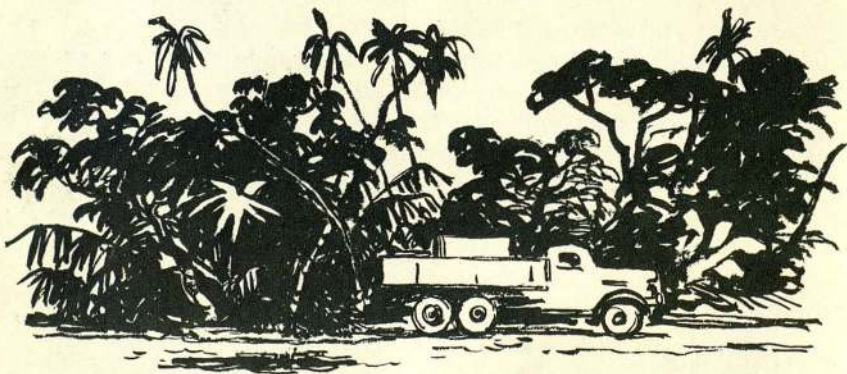
Игорь Петрович открыл дверцу ящика:

— Ну-ка, Снежок, выходи!

Снежок равнодушно посмотрел на открытую дверцу и отвернулся.

— Ну что ж ты, чудаk? Иди скорей в новую квартиру! — Но Снежок и не собиpался покидать ящик. Он поджал лапы и лёг.

— Может быть, надо посветить ему? — осведомился доктор Джон, зажигая карманный фонарик.

Ещё несколько человек достали свои фонарики, осветив дверь домика.

— Давай, давай, Снежок! — сказал Игорь Петрович.

Но, только он нагнулся над ящиком, Снежок недовольно зарычал и приоткрыл пасть.

«Со мной, мол, шутки плохи! Не забывайте!»

И верно, забывать от этом было нельзя. Но что же делать?

— Подождите! Кажется, я придумал! — сказал доктор Джон. — Прикройте-ка на минуту ящик!

Дверцу ящика закрыли. Доктор Джон вошёл на площадку и включил душ. Вода с шумом и плеском хлынула в бассейн.

Услышав плеск воды, Снежок беспокойно заходил вдоль решётки.

— Теперь можно и выпускать, — сказал доктор Джон.

Опять открыли ящик, и в ту же минуту Снежок опрометью выскочил из него. Он вбежал в дверь домика, нырнул в клетку, из неё на площадку и моментально оказался в бассейне.

С Первое знакомство

Снежок проснулся рано, около шести часов утра. Солнце уже встало и пригрело листву деревьев. Жаркие лучи его не проникали сквозь густую листву на землю, и она продолжала сохранять ночную прохладу.

Вставать не хотелось, но медвежонок услышал плеск воды и открыл глаза. Оказалось, что он спал не в клетке, а на песке, возле бассейна.

Вот как он вчера устал — даже до клетки не добрался!

Снежок потянулся и собрался было уже залезть в воду, как вдруг прямо перед собой увидел какое-то странное создание. Оно стояло за каменной оградой, вытягивая длинную облезлую шею с маленьким пуховым воротничком наверху. Большая, взъерошенная голова просовывалась в ограду.

Это птица марабу с любопытством разглядывала белого незнакомца. На своём веку марабу не приходилось ещё видеть такого!

Снежок тоже никогда не встречался с марабу и не знал, что они свободно разгуливают по зоопарку. Он не столько был удивлён, сколько смущён: вид у этой огромной птицы был неприятный.

Марабу, в свою очередь, убедился, что незнакомец не представляет из себя ничего особенного и, тряхнув огромными крыльями, отошёл от ограды.

Как всегда, по утрам он совершал обход зоопарка.

Где-то невдалеке протрубил слон и будто в ответ ему злобно перекликнулись львы. Но Снежок не обратил на их рёв никакого внимания. Наверно, привык к нему ещё в Московском зоопарке.

Несколько индийских скворцов с необычными жёлтыми серёжками на головках опустились на дерево рядом с медвежьим домиком. Не прошло и минуты, как они вспорхнули с веток, напуганные пролетевшей мимо птицей-носорогом.

Прямо по стенам домика бегали ящерицы. Они задерживались только под самой крышей на солнечных пятнах и, чуть погревшись, убегали.

На макушке большой саговой пальмы сидели две полосатые пальмовые белочки. Они не обращали никакого внимания на Снежка.

— Ар-ра! Ар-ра! Пан-чи! Пан-чи! — раздалось откуда-то сверху, и это было уже куда интересней.

Снежок поднял голову и увидел в листве лианы двух зелёных попугаев с мощными кривыми клювами. Они смотрели на медвежонка и лениво переговаривались:

— Ар-ра! Ар-ра! — говорил один.

— Пан-чи! Пан-чи! — отвечал другой.

Можно было подумать, что попугаи дразнятся, но это было не так. Просто попугаи повторяли свои имена.

Может быть, попугаи хотели познакомиться?

Снежок направился к бассейну и даже успел лизнуть холодный металлический кран, но в эту минуту целый град крупных орехов ударил по воде, обрызгав медвежонка. Он пискнул и неуклюже отскочил в сторону.

Там, где только что восседали попугаи, покачивалась на ветке стоя зеленовато-серых длиннохвостых мартышек. Они гримасничали и запускали в Снежка орехами.

Снежок зарычал. Вдруг одна из мартышек зацепилась хвостом за ветку и повисла над бассейном.

Медвежонок, наверно, ожидал, что мартышка вот-вот свалится в воду. Но обезьяна вовсе не собиралась падать. Её сморщенная мордочка со странными пучками волос на лбу и на щеках кривлялась, показывая Снежку желтоватые зубы.

Снежок смело взглянул в мартышкины глаза и гневно рявкнул.

Тут уж мартышка действительно чуть не свалилась от страха в воду. Качнувшись, она чудом уцепилась длинными пальцами за ветку и моментально скрылась в листве вместе со своими бедовыми подружками. Медвежонок храбро посмотрел им вслед, но в воду не полез. Он подошёл к ограде, обнюхал её, поскрёб лапой и направился вокруг площадки. Он шёл медленно, поминутно останавливаясь, водил носом по песку, пробовал рыть землю, но разочаровался: земля была твёрдая и поддавалась с трудом.

Изучив свои владения, Снежок вернулся к бассейну: теперь можно было и искупаться. Но настало время завтрака.

Первый завтрак первого белого медведя в Мадрасе! Это событие собрало чуть ли не всех работников зоопарка. Даже директор Романжулю и доктор Джон появились сегодня на работе раньше обычного. С ними пришёл и Игорь Петрович.

На завтрак были поданы говяжье мясо и рыба, специально приобретённые для Снежка на городском рынке.

Медвежонок быстро одолел кусок сырого мяса и, сладко облизываясь, подошёл к рыбе.

— Рыба — его самая лакомая пища, — объяснил Игорь Петрович. — Снежок всегда оставляет её на закуску.

Но Снежок потрогал рыбий кусок носом, потом лапой, перевернул, ещё раз понюхал и вдруг выбросил его из кормушки на пол клетки.

— Может быть, он не любит акулу? — осведомился доктор Джон.

— Акул он действительно никогда не ел, — сказал Игорь Петрович.

— Ну что ж, мы заменим акулу другой рыбой, — предложил директор Романжулю.

Но, когда доктор Джон подошёл к клетке, чтобы сменить рыбу, Снежок вцепился зубами в акулий кусок и зарычал. Он оттащил рыбу в противоположный угол клетки и принялся есть.

Что-что, а отдать назад еду медвежонок не мог!

Вместо заключения, или Письмо из Мадраса

господину Сосновскому Игорю Петровичу. Зоопарк. Москва. СССР.

Глубокоуважаемый господин и друг!

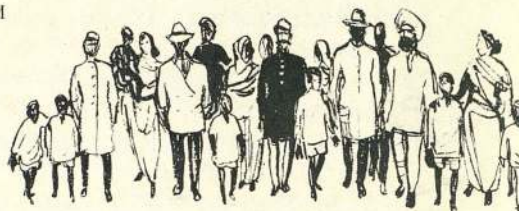
Не удивляйтесь, получив это письмо от незнакомого вам человека — одного из частых посетителей Мадрасского зоопарка. Прошёл год с тех пор, как Вы

доставили в Индию голубей, росوماху, по имени Роза, и белого медвежонка, по имени Снежок. Хочется ещё раз поблагодарить Вас за эти подарки и сказать, что они живы, здоровы, а голуби даже вывели птенцов. Теперь их не шесть, а двенадцать.

Но больше всего, конечно, Вас интересует Снежок.

Если бы белые медведи умели писать письма, то, наверно, Снежок сам написал бы сейчас Вам и подробно рассказал о своей жизни на земле Индии. Но приходится оказывать Снежку услугу и написать за него это письмо.

Приятно сообщить Вам, что медвежонок очень вырос и превратился в настоящего, почти взрослого зве-

ря. Трудно сказать, что он хорошо чувствует себя в условиях нашего климата, но он с большой выдержкой и стойкостью переносит сорока-шестидесятиградусную жару. Правда, этому помогает холодная вода, которую он очень любит. Служители зоопарка специально охлаждают воду в бассейне и в душе, который работает на медвежонка почти круглые сутки. Снежок так много времени проводит в воде, что, кажется, любая рыба теперь могла бы признать его своим родственником...

Покидая бассейн, медвежонок обычно с удовольствием катается по земле, катается до тех пор, пока его белая шуба не превращается в жёлтую. Тогда он снова идёт в воду, захватывая с собой так много песка что приходится ежедневно чистить бассейн. Иначе бассейн вскоре обмелеет.

Аппетит у медвежонка хороший, и он ест почти всё, если не считать фиников, кокосовых орехов и бана-

нов. Больше всего он, конечно, любит рыбу, но не отказывается и от баранины. Съесть полтора килограмма баранины для него сущий пустяк!

Присутствие медвежонка в зоопарке вызывает необыкновенный интерес со стороны посетителей. Благодаря Снежку их стало здесь во много раз больше. А наши дети вообще теперь не считают для себя обязательным смотреть на других животных в зоопарке. Их интересует только русский белый медвежонок, и они очень бойко произносят его имя по-русски: Снежок.

Нам передали Ваш рассказ о том, как и где был пойман Снежок, и наши дети просят передать привет всем советским детям, которые ловят белых медведей! Кажется, они имеют в виду того самого мальчика, который поймал Снежка.

В заключение остаётся сказать о том, что все животные Мадрасского зоопарка с полным уважением и достойной подражания вежливостью относятся к Снежку и надеются скоро увидеть рядом с ним ещё одного такого же медвежонка. Видимо, они беспокоятся, как бы Снежку не было одному скучно! Мы, посетители зоопарка, присоединяемся к их мнению.

Итак, приезжайте снова к нам в гости!

До скорой встречи!

СОДЕРЖАНИЕ

СКАЗКА О ТРАМВАЕ	3	Плотник	47
ПРО СВЕТЛАНУ	9	Штукатур	—
Адрес	—	Малар	48
Самая храбрая	11	РАВИ И ШАШИ	49
Новые книжки	12	Где родился Рави	50
Когда не бывает скучно	14	Знакомство с Шаши	51
За обедом	16	Перед дальней дорогой	52
Прогулка	17	Погрузка	53
Секрет	19	Кто трубил на пароходе?	54
Спать пора	20	Счастливого плавания!	55
Кто скорее подрастёт	22	Плавающий зоопарк	56
Берегите свои косы!	23	Кому что нравится	58
Метро	26	Завтрак и обед	59
Первые буквы	27	Аврал	61
Подарок	29	Как лечили Шаши	62
Мамина работа	31	Рави и Шаши хитрят	63
КОШКА	34	Что случилось с Рави?	65
ПРО КНИЖКИ	—	Опять аврал!	66
СКВОРЕЦ	35	Пассажиры снимают на берег	67
ИНТЕРЕСНАЯ МАШИНА	—	Соседка	69
КТО СЕГОДНЯ УЧИТСЯ	36	Тихий час	70
Тик и Так	—	Купание	71
Галя просыпается	37	Рави и Шаши гуляют	72
О портфеле и жуке	—	Соседка меняет характер	74
Как начинается утро	38	Встреча в зоопарке	75
Две тетрадки	—	СТИХИ ПРО ВЕРБЛЮДА	77
А что же мама делает?	39	КАК СНЕЖОК В ИНДИЮ ПОПАЛ	78
В буфете	—	Находка Уйрапака	—
После перемены	40	Беспокойный жилец	82
Мама тоже учится	—	Снежок и его соседи	84
Четвёрка	41	Кто сильнее?	86
Трудная задача	42	Пассажир № 15	88
Как Галя ворон считала	—	Ренорд высоты	93
Мама делает уроки	43	Случай в воздухе	96
Собрание	—	Доктор Джон	97
Галя читает	44	Живой багаж	99
Что будет через год?	—	Новая квартира	102
КТО ПОСТРОИЛ ЭТОТ ДОМ	45	Первое знакомство	106
Архитектор	—	Вместо заключения, или Письмо из	—
Каменщик	46	Мадраса	109
Кровельщик	—		

Для дошкольного возраста

Баруздин Сергей Алексеевич

О РАЗНЫХ РАЗНОСТЯХ

Ответственный редактор Э. М. Эмден. Художественный редактор П. И. Суворов.

Технический редактор М. А. Кутузова. Корректоры Е. Б. Майрунхитис и Т. П. Лейзерович.

Сдано в набор 18/V 1958 г. Подписано к печати 26/II 1959 г. Формат издания 62×94¹/₄ — 15 печ. л. 15,84 усл. печ. л. (13,76 уч.-изд. л.). Тираж 100 000 экз. Цена 8 р. 25 к.

Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Полиграфкомбинат, г. Калинин, проспект Ленина, 5. Заказ № 950.